

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ
НЕБЕСНЫЙ
ШТОРМ

Сергей Иванович Зверев

Небесный шторм

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4741494
Небесный шторм: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-60842-3

Аннотация

Тридцать натовских самолетов поднимаются в воздух с итальянской авиабазы на острове Сицилия. Эскадрилья благополучно достигает берегов Ливии, но тут у всех бортов внезапно отказывает электроника. Самолеты теряют управление и падают, летчики катапультируются, приземляются на вражеской территории и попадают в плен.

Жена одного из пилотов после неоднократных бесплодных попыток узнать что-либо о местонахождении мужа обращается за помощью к журналистке Мари Клер. Мари начинает собственное расследование и получает информацию о секретном оружии, которое используется армией Каддафи против авиации противника. Заинтригованная журналистка отправляется в Ливию и вскоре попадает там в смертельно опасную ситуацию. Волею случая на помощь к ней приходит российский спецназовец Рауль Шапиров по кличке Варан...

Сергей Зверев

Небесный шторм

«Вы породили Гитлера, не мы. Вы преследовали евреев. И вы устроили Холокост!»

М. Каддафи.

С трибуны 64-й сессии

Генассамблеи ООН

21 июня, 2011 год

Тьма накрыла Средиземноморье – глухая, беспросветная. Черное покрывало укутало Сицилию, мерно вздымающееся море. Спал красивый городок Катанья, вулкан Этна в пуховой перине облаков. Только база ВВС в местечке Сигонелла не спала – лязгала металлом, чадила, издавала какофонию всевозможных звуков. Мощные прожекторы освещали ряды колючей проволоки, силуэты часовых, скопления техники, взлетно-посадочную полосу, обрамленную желтыми огнями. Чернели ангары, строения вспомогательных служб, переливалась, как рождественское дерево, диспетчерская вышка. База трудилась в поте лица. Подготовка к очередному вылету самолетов международной коалиции – с целью бомбежки объектов на территории самой восточной страны Магриба – шла по плану. Самолеты выстроились вдоль рулевой дорожки: элегантные французские «Рафали», истребители-бомбардировщики «Миражи 2000D», бомбар-

дировщики «Торнадо» ВВС Великобритании, многоцелевые «Еврофайтеры-Тайфуны» с передним горизонтальным оперением, новые, с иглочки, «Грипен JAS 39» – гордость и краса воздушного флота его шведского величества. Техники в желтых жилетах сновали между машинами, проверяли готовность оборудования, подвешивали на консоли ракеты, бомбы с лазерным наведением. Вертелись погрузочные краны, пыхтели громоздкие заправщики.

В центре управления полетами царила такая же деловая суета. До старта истребителей-бомбардировщиков оставалось пятнадцать минут. Специалисты служб прильнули к мониторам, в эфир летели последние команды. Еще немного – и армада из тридцати машин, увешанная бомбами, ракетами, ведомая первоклассными специалистами, поднимется в воздух, возьмет курс к туманным берегам Триполитании. Наиболее массивный налет за все месяцы принуждения к миру зарвавшегося «Короля королей Африки» – «утратившего чувство реальности, убивающего собственный народ и больше не способного управлять страной» (по меткому заявлению посла США в ООН Сюзан Райс)! Руководитель смены в униформе песочного цвета монотонно перечислял объекты бомбежки: резиденция диктатора, база установок ракетного залпового огня в восточном пригороде Триполи, казармы и скопления наземной техники в предместье Сирта, склады с боеприпасами для комплексов ПВО в городе Таджура недалеко от столицы, база патрульных катеров в Аз-Са-

лане... В просторном кабинете предполетного инструктажа летчики внимали старшему офицеру. Инструктаж подходил к концу. Отшлифованная процедура, выдача ориентировок и координат военных объектов, систем ПВО, станций радарного слежения. Офицер захлопнул папку, пристально оглядел собравшихся. Молодые, грамотные, не задающие лишних вопросов, многим нет и тридцати, англичане, французы, датчане, американцы, у всех полетный опыт, вера в торжество идей. Каждый знает наизусть, что ему делать, и все эти предполетные инструкции – просто посидеть с умным видом, подумать о своем...

– Удачи, парни. Бог на нашей стороне.

Шарль Бурнье – капитан ВВС Франции – тридцатидвухлетний крепыш среднего роста с ежиком упрямых волос – до инструктажа успел позвонить домой в Тулузу и сейчас довольно странно себя чувствовал. Супруга Жаклин щебетала в трубку: дома все прекрасно, сад цветет и благоухает, семейная аптека на улице Руаяль приносит стабильный доход, и, похоже, мысль прикупить вторую «парафармацевтику» из области мечтаний переходит в область, где «нужно хорошенько все обдумать». Все просто чудесно: вчера приобрела «немножко одежды» в торговом центре на Монпелас. Крошка Марсель – шестилетний карапуз, практически ксерокопия Шарля – завел себе подружку Люси, такую же мелкую – племянницу соседа Гийома. И теперь они все дни проводят на лужайке перед домом, доламывая поливальную си-

стему и нервную – у кота. В общем, все прекрасно, за исключением, как водится, пустяка – машина на ровном месте задымилась, когда она возвращалась из аптеки – но это ничего, недельку можно и на автобусе (а Шарлю стоит подумать о покупке новой машины). Свекор Анри, отец Шарля, вдруг начал проявлять несвойственную активность. Пожилой аптекарь, давно отошел от дел, беззаботный пенсионер, а тут вдруг вспылал к семейному бизнесу, докучает советами, хотя Жаклин и сама знает, как справляться. Ну, ничего, совладает с ситуацией, подкинет старичку «важную» работу, не влияющую на течение бизнеса. «А у тебя-то как, милый? – щебетала Жаклин. – Ничего опасного, не летаете, куда не надо? Ты какой-то скованный сегодня, неразговорчивый, нет? У тебя там все в порядке? Ах, прости, у вас, наверное, тоже ночь, ты спишь, да?»

Он любил свою жену, готов был полжизни отдать за Жаклин, но пропади они пропадом – жгучие глаза барменши Софи из сицилийского кабачка, куда наемни заглянули летчики, пребывая в увольнении. Не устоял капитан Шарль Бурнье, голова закружилась от крепкой граппы, подошел, завязал беседу. У малышки Софи был трогательный акцент, увлекательные формы, а еще она так смотрела на бравого пилота... Смех девушки звенел колокольчиком, она вела его наверх – в помещения для «досуга», дразнилась, прижималась, а он подпрыгивал от нетерпения, пылал, как печка, голова просто взрывалась... А наутро отличался нехарактер-

ной задумчивостью, не смотрел в глаза ухмыляющимся приятелям по эскадрилье и все никак не мог забыть эти карие бесстыжие глаза. «Все в порядке, милая, – скупое отозвался он. – Готовимся к тренировочному полету, тут все сейчас так строго и по-взрослому». Закруглил беседу, отключился и сдал телефон.

– Ты расстроенный, дружище, не случилось ли чего? – обогнал его, хлопнув по плечу, капитан Доминик Лазар – он направлялся к своему «Рафалю», застывшему вторым на рулежной дорожке.

– Не расстроенный, а сосредоточенный, – машинально отозвался Шарль, поворачивая к своему «Миражу», у которого переминались закончившие работу техники. – Думаю много.

– А ты не думай, работай. Ох, и врежем мы сегодня этому упырю. Резиденция Каддафи нынче моя, завидуй.

– Не промахнись...

– Как? – засмеялся Лазар.

Дурных предчувствий у Шарля не было. Но что-то неприятно покалывало под лопаткой – неясное беспокойство: то ли от разговора с Жаклин, то ли просто так. Прежде чем взобраться по приставной лестнице в кабину, он по давней привычке подбросил монетку в двадцать пять евроцентов. Выпал цифровой номинал – Шарль пожал плечами, ну, ничего, бывает, почему бы нет? И что теперь – рвать волосы, сказаться больным? Он ухмыльнулся, сунул монетку в карман

и полез в кабину, сжимая шлем под мышкой...

Кабину «Дассо-Миража 2000D» – многоцелевого истребителя четвертого поколения, основной боевой машины ВВС Франции – тускло освещала подсветка приборов. С 2007 года эти самолеты не выпускали, заменили «Рафалем», но Шарль считал, что напрасно. Машина-монстр, до упора напичкана электроникой, «бесхвостка» с низко расположенным треугольным крылом. Трехстоечное шасси, мощная механизация крыла, корпус – из прочных композиционных материалов. Усовершенствованное радиоэлектронное оборудование. Система управления – электродистанционная, с четырехкратным дублированием, аварийным каналом, запитанным от отдельной батареи. Небольшая крейсерская скорость, но куда спешить? Самолет устойчив во всех углах атаки, диапазонах высот, включая критически малые, на малых же высотах идеально преодолевает системы ПВО, способен наносить удары в любых погодных условиях... Вооружение такое, что самому страшно. Четыре 30-миллиметровые пушки DEFA: две под фюзеляжем, две под крылом, управляемые ракеты «Скаल्प» класса «воздух – земля»; бомбы – корректируемые, свободнопадающие; подвесная артиллерийская установка «Dassault CC» с двумя пушками по шестьсот патронов в каждой...

Метеосводка получена – в районе Ливийского моря и береговой полосы Триполитании все спокойно. Южнее – в Фез-

зане – свирепствуют пыльные бури: по-европейски – сирокко, по-ливийски – гibli, но туда вроде и не надо... Летчик был собран, сосредоточен. Переговоры с пунктом управления: полминуты до команды на взлет. Турбины уже ревели, боевая махина начинала разбег... Он поймал себя на мысли – и впрямь, испытывает беспокойство. Вроде все штатно, он четко знает алгоритм, действия на тренировках отработаны до автоматизма, это его второй боевой вылет... Хотя если честно, то первый – в апреле он участвовал в разведывательном полете над Мисуратой, где шли тяжелые бои повстанцев с головорезами Каддафи, и то одни, то другие попеременно выбрасывали противника из города. «Все в порядке, считай полет тренировочным, – успокаивал он себя. – Как дома, во Франции. Да, не болванки везу, полный комплект вооружения, и уничтожить надо не учебные, а реальные цели. И что? Ты же не сентиментален?» За два месяца боевой работы в небе Ливии не сбит ни один натовский самолет. Пропаганда Каддафи уверяла обратное, но каждый раз на поверку это оказывалось фикцией...

Он ни разу в себе не усомнился. С раннего детства Шарль Бурнье болел небом. Дядя Оноре – брат отца – летал на самолетах «Эр Франс» внутренних авиалиний. Шарль неделями пропадал в ангарах местного аэродрома – вместо того чтобы, как все дети, играть и хулиганить. Собирал потешные модельки, штудировал специальную литературу, в которой мало смыслил, но делал вид, что постигает сакральное.

Окончив школу, поступил в летную – под Парижем – и почувствовал себя пилотом после первого же самостоятельно-го полета на третьем году обучения. Блестяще отучившись, попал в авиационный полк истребительной авиации в Тулузе, где служил и поныне. Летную службу в ВВС Шарль считал своим кредо. Амбиций и честолюбия – больше, чем у кого-либо еще. Он планировал стать полковником – не штабным, летающим – скажем, командиром авиационного полка. Дальше не заглядывал. Летных происшествий в послужном списке не было. Начальство и сослуживцы окрестили Шарля «счастливчиком». Он окончательно уверовал в себя, переучившись на новый «Мираж 2000» – основную боевую единицу французской авиации. За десять лет военной службы вырос из простого летчика до заместителя командира эскадрильи, от лейтенанта – до капитана. Он участвовал во многих учениях авиации НАТО, вместе с эскадрилей совершал летные командировки в Германию, Англию, Данию. Когда эскадрилью с началом войны перевели на Сигонеллу, воспринял это философски: начальству виднее; он готов защищать свою страну хоть на Южном полюсе. А реальная боевая работа – те же учения: трудно, напряженно, но вряд ли опасно. Кто там говорил – из великих, но не французов: тяжело в учении...

Попискивала бортовая радиостанция – звено в коротковолновой системе связи. И вновь это пьянящее, с выбросом адреналина чувство, когда самолет на полном ходу отрыва-

ется от бетонки и круто, с набором высоты уносится в небо! Полет стандартный, на третий десяток пошло. Взлет, набор высоты, построение в эшелоне...

Малоскоростной, неповоротливый самолет «E-3 Sentry» ВВС США, оборудованный комплексом радиобнаружения и наведения АВАКС, барражировал над Средиземным морем милях в тридцати от береговой линии. Дискообразный обтекатель над фюзеляжем, прячущий антенну радиолокатора, придавал машине оригинальный вид, воспетый в сказках и поговорках летного состава. Дежурная смена упорно трудилась. Горланно покрикивал старший смены майор Колин Прайс, инструктируя старших постов. Привычная работа для операторов – провести группу истребителей от Сигонеллы к Ливии и обратно. Наведение на цель, координация действий, отвод в тыл – полный комплекс мероприятий для управления воздушным боем. Во вместительном фюзеляже хватало места для аппаратуры, операторов, вспомогательного оборудования. «Умный» радиолокатор вел армаду НАТО, мощность РЛС позволяла находиться вне зоны действия ливийских ПВО.

Полноватый сержант Грегори Ломан смотрел на экран монитора. Он неплохо устроился – даже в хаосе железа и проводов Грегори находил себе комфорт – сибарит по жизни, воевать – так с удобствами. Он потягивал остывший кофе через трубочку, что не мешало манипулировать клавишами

и опасно прислушиваться к работе турбин. Отличный специалист – Грегори не был образцом отваги и мужества. Он не верил, что самолет недостижим для ракет Каддафи. Источник мощного радиоволнового излучения – чем, по сути, являлся АВАКС – идеальная мишень. И стоит таких денег – что не просто мишень, а лакомая мишень! Попробуй убежать с его неповоротливостью и низкой скоростью, а парашюта у себя за спиной Грегори как-то не чувствовал. Уверение начальства, что АВАКС прикрывает система ПВО на Сигонелле и авианосцы 6-го флота США, стоящие на рейде от Ливии до Лампедузы, он воспринимал скептически. Коллеги косились с усмешкой – о пугливой натуре мистера Ломана знали все, любили подшучивать, не гнушались мелкими розыгрышами в духе «ой, падаем». Но сегодня никто не шутил и не подначивал – работа требовала серьезности. На экране локатора Грегори видел засветки от проводимых им самолетов из Сигонеллы. Слева по курсу осталась Мальта. Армада шла в эшелоне, вторгаясь в пределы Ливийского моря. Летели кучно, тремя группами. Разойдутся лишь под Хомсом – двенадцать бортов уйдут на Триполи, восемь на Сирт, восемь на Таджуру, два на Аз-Салан. Все штатно.

– Прайс, доложите! – высунулся из-за загородки седоватый полковник Шеффилд.

– Все в порядке, сэр, – отчитался майор. – Тридцать бортов. Время готовности – двенадцать минут.

– О'кей, – полковник кивнул и включил переговорное

устройство – доложить в штаб авиационного командования о готовности тридцати самолетов НАТО к нанесению удара по намеченным целям...

Береговая полоса к западу от портового Хомса, находящегося под контролем правительственных войск, была сильно изрезана. Назвать эту местность курортной зоной мог бы лишь человек с причудливым воображением. Угрюмые скалы – расколотые, похожие на ломаные зубы – обрывались в воду, волны набегали и бились о камни, обильная пена вылизывала гладкие валуны. Ветер дул от Европы, гнул макушки редких деревьев, примостившихся на скалистых террасах. Небо – пронзительно ясное, звезды казались выпуклыми лампочками, висящими где-то рядом. Метрах в ста от моря, где изгибы местности слегка сглаживались, петляла укатанная грунтовая дорога. Она отворачивала от шоссе метрах в пятистах южнее и вела в рыбацкий поселок, притулившийся за мысом на западной стороне. Послышался дребезжащий звук мотора, и из-за холма выбрался подержанный японский грузовичок с металлическим кузовом. Фары освещали разбросанные камни, чахлые кусты, заросли тамариска, путь в низину к небольшой фруктовой рощице. Грузовичок притормозил, стал по узкой дуге поворачивать влево, вклинился между осадочными махинами и направился за покатую возвышенность. За грузовиком, на расстоянии метров сорока, шел джип – лунный свет озарял стальные рамы по пери-

метру кузова, контур закрепленного на крыше крупнокалиберного пулемета. Машины въехали за холм, встали на ровной площадке. Погасли фары. Из джипа никто не вышел, из кабины грузовичка выпрыгнули двое, подбежали к кузову. Со скрежетом отомкнулся борт. Несколько минут эти двое выгружали деревянные ящики. Молодой паренек со смысленным лицом, одетый в рваные джинсы и длинную рубашку навыпуск, вытер пот со лба, побежал в кабину за монтировкой. Трещала и лопалась древесина, они извлекали из тары причудливо изогнутые металлические блоки, соединяли их кабелями. Второй вскарабкался обратно в кузов, принялся крепить концы кабелей к тяжелым продолговатым аккумуляторам, уложенным вдоль борта. Из джипа кто-то выбрался. Размял конечности, потянулся, вальяжно двинулся к грузовику. В мерклом свете обрисовалась стройная фигура, облаченная в цивильный костюм, щеточка усов под носом. Он что-то произнес на ломаном английском. Человек, ковырявшийся в кузове, отряхнул ладони и спрыгнул на землю. Рослый, неплохо сложенный, но сильно сутулый – словно стеснялся своего роста. Возможно, ему было около пятидесяти, но выглядел моложе. Грива черных волос, тронутых седinou, серебрилась в лунном свете. Горбатый нос, под носом уже не щеточка, а целый пышный «кустарник».

– Спасибо, капитан, – голос человека был сочный, бархатный. – Пусть каждый занимается своим делом. Ваше дело – безопасность и сопровождение. Справимся. Аллах поможет.

Сопровождающий пожал плечами, буркнул что-то вроде «Иншалла» (да будет на то его воля) и удалился в джип. Паренек отлаженными движениями монтировал треногу. Поднатужившись, взгромоздили на нее нечто вроде тарелки спутниковой антенны. Молодой крепил ее к кронштейнам, пристроил в пазы блок настройки длительности входного и опорного импульсов. Старший извлекал из ящиков составные части загадочной конструкции. Щелкали зажимы, стыковались детали механизма. Получалось что-то абсурдное, причудливое, взаимоисключающее.

– Готово, Али Гусейнович, – свистящим шепотом проинформировал паренек. – Ну и хреновина у нас с вами получилась...

– Вот такая она, Ильхам, – усмехнулся черноусый, – помесь самогонного аппарата и машины времени...

Паренек хихикнул. Но поперхнулся, закашлялся. Черноусый включил подсветку часов. Заволновался, бросился разворачивать тарелку. Вдвоем установили ее на ровном участке, молодой подкрутил ручку, развернув загадочный диск в сторону моря. Приладил основной сенсорный блок из анодированного алюминия – к нему подключались сенсорные головки и дополнительные головки лазерных диодов. Коллега склонился над громоздким пультом управления, активировал питание, а когда в железной коробке послышалось прерывистое гудение, принялся переключать клавиши, налаживая работу установки. Прислушивался – через несколь-

ко секунд после активации должно запуститься самотестирование. Скоро гудение стало ровным, слегка затихло, оператор удовлетворенно кивнул, перевел дыхание. Настроил регулятор длины волны излучателя. Плавно пульсировал желтый светодиод – машина успешно проверяла саму себя. Паренек стоял неподвижно, приложив ладонь к уху, вслушивался. Прошло минуты четыре. Ильхам встрепенулся.

– Кажется, летят, Али Гусейнович... – Голос парня сел от волнения, он почти хрипел.

Дышать становилось трудно. Всю жизнь он к этому шел – через не могу, бессонные ночи, неверие коллег и начальства, бюрократические баррикады. Четверть века потратил на создание установки и возможность ее испытать. И вот теперь, когда до цели считанные минуты... Что это было? Он начал сомневаться? Или мечта, которая сбывается, – уже не мечта? Бойтесь исполнения желаний? Он тоже начал вслушиваться. В ушах звенело, отрывистое жужжание сверлило мозг. Далекий, невнятный, одиночный гул, мало похожий на «хоровое пение»...

– Разведчик, Ильхам... – Он не узнавал свой взволнованный голос. – Разведчик летит вдоль моря... Уже скоро. За разведчиком пойдут остальные...

Армада шла намеченным курсом – по три машины в ряд. Маячки бортовых огней мерцали на крыльях. Море не просматривалось – сплошная египетская тьма внизу. Где-то под

крылом – мощные авианосцы ВМС США, крейсера, эсминцы, десантные корабли с 26-й экспедиционной группой Корпуса морской пехоты США, боевые корабли других стран – собранные в этом море, как заявила госсекретарь США, «исключительно в гуманитарных целях и для спасательных операций»... По курсу тоже – темно и странно. Только приборы подсказывали, что курс и высота – верны. Оператор наведения сообщил о приближении к границе Ливии. Ощущение смутной тревоги рассосалось – летчик был спокоен. Сообщение оператора не взволновало. Причин для переживания никаких. Пустая формальность – пересечь границу арабского государства. Что произойдет над Ливией с самолетом НАТО? Ничего! То же самое, что танковая колонна в джунглях Папуа – Новой Гвинеи! Из луков расстреляют? Там же дикари, они еще с верблюдов не слезли... Он многого не знал о событиях в Ливии, но верил отцам-командирам. Защищать гражданских – священный долг. «Мы спасаем бесчисленное количество жизней по всей стране! – вещала на пресс-конференции в Брюсселе официальный представитель НАТО Оана Лунгеску. – Мы проводим операции с особой тщательностью и точностью, чтобы избежать жертв среди мирного населения. Цифры гражданских потерь, упоминаемые ливийским режимом, являются откровенной пропагандой! Режим Каддафи жестоко и систематически атакует собственный народ, правительственные войска обстреливают города, минируют порты, используют мечети и парки

в качестве живого щита!» Он гордился, что именно Франция первой 19 марта нанесла удар. В 12.45 – обстреляв автомобиль неизвестного типа, но который явно представлял угрозу гражданскому населению. Именно французские летчики обнаружили в воздухе над Ливией самолет противника Г-2 «Галеб» и после его приземления на базе Мисураты уничтожили ракетой «воздух – земля». Именно французы нанесли воздушные удары по целям в районе Эль-Зинтан, ликвидировав на стоянках пять штурмовиков и два ударных вертолета «М-35», уничтожили три бронемшины у Мисураты и две – у Альджабии, стирали с лица земли объекты радиоэлектронной разведки, четыре установки САУ к югу от Триполи, склад с вооружением, крошили командную инфраструктуру и силы ПВО, взорвали несколько ливийских вертолетов во время их транспортировки на автоприцепах...

Он покосился вбок – слева мерцали бортовые огни идущего в его ряду «Рафаля». Марсель Жюстье – единственный из пилотов ударной группы, кому под сорок. Тихий молчун, по барам не ходит, электронную книжку читает, семья живет в Нормандии, и практически все свое жалованье он отправляет ежемесячно туда. Справа на «Грипене» смешливый швед Свенсон, где-то позади Поль Гурден на «Мираже III» – душа компании, резкий парень и первый, если намечается поход по увеселительным заведениям. «Алкоголь, господа, наркотики, беспорядочные половые связи...» (шутка, конечно – во всяком случае, про наркотики). С ним-то и держал

пари Шарль, хватит ли духу подойти к бойкой барменше с бесподобными глазами. Духу-то хватило, но кто же знал, что «романтический» вечер закончится поломкой кровати? Он скрипел зубами от злости: призрак крошки Софи тянул его в каморку, где из мебели была лишь койка, сбрасывал одежды, обвивался вокруг тела, словно лиана-паразит... «Приходи еще, Шарль, я буду ждать... ты не такой, как все, ты другой...» Зачем он пошел тогда в эту чертову увольнительную?!

На командном пункте штаба коалиции в Милане генералы и обремененные постами офицеры следили за изображением на огромном мониторе. Отчетливо было видно, как группа самолетов со стороны Италии приближается к Ливии. Еще минута, от силы две – армада пересечет линию побережья, разобьется на группы, начнется главное – боевая работа по намеченным мишеням.

– Все в порядке, господа, – объявил молодцеватый, начинающий лысеть подполковник в итальянской форме. – Отработают, как всегда. Рутина, если изволите. Сегодня шесть объектов, из них три в Триполи, включая дворец Каддафи. Двадцать минут работы – и на базу.

– Предпочитаю забрасывать этих варваров «Томагавками», – проворчал высокопоставленный чин в форме британских ВВС. – Надежно, безопасно. А так, гадай – вышлют пару перехватчиков, ущерба, конечно, никакого, но впечатле-

ние смажут.

– Не вы ли, мистер Бэгуэлл, заявили на весь мир 23 марта, что ВВС Ливии больше не существует? – усмехнулся бледноватый французский генерал.

Британский чин неприязненно покосился на французского коллегу, воздержался от комментариев. Вновь обратил взгляд на монитор, где точки самолетов пересекали границу суверенного государства. Интенсивность авианалетов и стрельба крылатыми ракетами с эсминцев и подводных лодок «Флорида» и «Провиденс» росла с каждым днем. Ежедневно поступали сводки об уничтоженной бронетехнике, подавлении баз ПВО, ликвидации военных складов. Натовские генералы нервничали. Парадокс – чем сильнее распахи-вали бомбы Ливию, тем прочнее становились позиции Каддафи. В феврале они висели на волоске, а теперь окрепли. Почему? Он все такой же, мечет молнии, хрипит в микрофон. «Меня не пугают бури, охватившие горизонт, я не боюсь истребителей, несущих разрушения! Меня не сломить, мой дом здесь, в этом шатре, я полноправный хозяин, и завтра будет таким, каким его сделаю я!» Похоже, Запад преподнес Каддафи подарок – сплотил вокруг него его собственный народ. Такая же поддержка, что и сорок лет назад. Не хотелось верить, что Каддафи выигрывает войну – без современных ракет, мощных бомбардировщиков... На месте взорванных танков возникали новые, пополнялись людские резервы – ливийцами, наемниками из сопредельных стран,

стреляли зенитки – пусть не попадая, но поднимая дух воюющих солдат. Войска Джамахирии успешно теснили мятежников почти по всем фронтам, забирая город за городом. Менялась тактика правительственных войск – все больше напоминая партизанскую. «Призрак» наземной операции становился реальнее, объемнее, но в рамки резолюции ООН под номером 1973 он не вмещался даже при самом вольном ее прочтении. Операция, прозванная вице-адмиралом ВМС США Гортни «Одиссея. Рассвет», французами – «Харматан», англичанами – «Эллами», а выскочками из группы объединенных штабов – «Союзный защитник», могла продолжаться еще не один месяц...

– Летят, я слышу их... – вгрызся в ухо взволнованный шепот Ильхама.

Али вздрогнул, почему он шепчет? На километры – никого, боится, что с самолетов услышат? Оцепенение охватило – вовремя, нечего сказать. Теперь он тоже слышал шум – непрерывный, нарастающий гул работы множества авиационных двигателей. Он избавился от оцепенения, начал пристально вглядываться в небо. Самолеты не просматривались на фоне бархата небосклона, усыпанного звездами. Но звук летящей армады шел именно оттуда – из-за редких облаков, наползающих с моря. Высыпали из джипа сотрудники ливийской безопасности, задрали головы, кто-то несдержанный начал выкрикивать гортанные арабские ругательства.

– О Аллах всевышний, только бы прошли над нами, а не в стороне, иначе не сработает... – снова забилося в ухо.

Паренек свалился на корточки, было видно, как дрожит у него спина, он отчаянно молился. Лично Али с этой стороны проблемы не видел. Информатор в штабе коалиции указал ливийским «товарищам» четкие координаты прохода группы истребителей – сомневаться в его компетенции не приходилось. Ливийская разведка, как и в прежние времена, работала четко и грамотно. Вычислили «слабое звено», денег не жалели, чего их жалеть, если только у Каддафи, по слухам, в Триполи в наличности хранится несколько десятков миллиардов долларов – и все аресты его счетов в европейских банках, о которых так восторженно кричали натовцы, – не больше, чем булавочный укол?

– Включайте, – горячился Ильхам. – Не спите, Али Гусейнович, чего вы зависли, жмите скорее, на нас идут...

– Рано... – выдавил он с комом в горле. Пальцы нервно бегали по панели управления, гладили кнопки, но не давили. Еще немного, еще чуть-чуть, на счет три – и будет в самый раз... Гул летящих самолетов рос и ширился, заполняя всю округу, отчаянно бил по ушам, гнул к земле.

– Давайте, чего вы ждете? – стонал Ильхам.

Самолеты выныривали из-за куцей змейки облаков, мигали бортовые огни. Они снижались, теперь их было четко видно. Первый ряд уже проплыл над сушей, второй, тре-

тий... Ушат адреналина хлынул в кровь. «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного», – подумал Али и надавил на красную кнопку, под которой было незатейливо по-русски начертано «Пуск». Удержал в нажатом состоянии. Раз, два, три – вспыхнула красная лампочка. Что-то загудело в передающем блоке. Пошел процесс, означающий, что установка «Лучи смерти» вышла на максимальный режим работы...

Шарль скорее почувствовал, чем понял – что-то произошло. Самолет не трясло. Не было посторонних звуков. Ничего необычного – только странное состояние, словно ты попал в невесомость и едешь задом наперед. Вернее, содержимое желудка попало в невесомость и стало пробивать дорогу наверх. И словно волосы под шлемофоном зашевелились. А потом он решил, что оглох: работали двигатели, ревели турбины, и вдруг стало тихо! Он потряс головой – в наушниках тишина, но собственную ругань он слышал отчетливо! Что за бред? Он четко слышал, как левый двигатель что-то слабо проурчал и заглох окончательно. Темнота по глазам – погасла подсветка приборов! Померкли экраны дисплеев. В наушниках слабый шелест, связь пропала. Ау, где все? Оглушительная тишина. Ужас охватил не детский – такого не бывает! Тело вспотело – от ушей до пяток. Высотомер ничего не показывал, но Шарль чувствовал, что самолет катастрофически падает! Не может быть! Он бы знал, если бы в корпус попал снаряд. Он быстро глянул влево, вправо. Святая Мария, какая приятная компания! «Рафаль», ведо-

мый Марселем Жюстье, словно споткнулся на ровном месте. Был здесь и вдруг пропал – камнем рухнул на землю! «Грипен» Свенсона терял управление, его повело влево – на Шарля! Бурные ахнул – земля приближалась, самолет летел к ней под острым углом. И вдруг дрожь сотрясла фюзеляж – носовая часть заходила из стороны в сторону, стала заваливаться вниз. «Странно, – подумал Шарль. – Почему я еще здесь?» Он натянул рычаг катапульты в подлокотнике кресла.

Исполнительный механизм уловил команду. Притянул ноги к креслу, зафиксировал, прижал локти к туловищу, выбрал зазоры в ремнях, фиксация головы, отброс аварийного люка, стремительный перепад давления...

Мощная сила выбросила его вместе с креслом в ночное небо. Успел подумать, что кресло отделяется от него, как ступень от ракеты. Хлопнул стабилизирующий парашют, опали ремни, отвалилось выбрасываемое сиденье. Раскрылся спасательный парашют. Вдохнуть не успел – потащило куда-то в сторону воздушным потоком, и вновь помчалось к горлу все выпитое и съеденное...

Такое ощущение, что рвануло под ногами! Адский сноп пламени, как в американском кино, чудовищный грохот! И серия последующих, затухающих взрывов, сопровождаемых всплесками пламени. Он даже ноги машинально подогнул, чтобы не опалило. И лишь позднее сообразил, что взорвался его хваленый «Мираж» с практически полными топливными баками и впечатляющим боезапасом. Его сносило

ветром, земля приближалась, он уже различал всхолмленную, заваленную камнями равнину, гребень скалы на ровном месте, что-то вроде извилистого оврага, чахлые мало-рослые кусты. Сноп пламени – последний привет от «Миража» – остался за бугром. Показалось или нет – но далеко за гребнем расцвел еще один факел. Он летел на острые камни! Начал судорожно извиваться, тянуть стропы...

Сержант Грегори Ломан не верил своим глазам. Заморгали и стали пропадать точки на экране монитора! Первая, вторая... пятая. Он выплеснул кофе на штаны, чертыхнулся, растер ладошкой липкую жижу. Непонимающим взором, выпучив от изумления глаза, тарасился на монитор. Точек не было. Истребители-бомбардировщики, благополучно пересекавшие сухопутную границу Ливии, исчезли с экранов! Такого не бывает! Он отставил кофе, зачем-то стукнул сбоку по монитору. Картинка лучше не стала. Самолетов не было, словно их и не было никогда!

– Господин полковник, сэр! – он не узнал своего охрипшего голоса. – Отметки проводимых мною самолетов исчезли с экранов!

Полковник Шеффилд выглянул из-за своей загородки. До опытного, съевшего не одну собаку на дальнем радиолокационном обнаружении и управлении профессионала не сразу дошло, какую мысль пытается донести подчиненный.

– Ломан, вы что там пьете? – сурово спросил полковник.

– Кофе, сэр, только кофе! – чуть не задохнулся от праведного возмущения сержант.

– Значит, курите, – хихикнул помощник Шеффилда капитан Дэйв Кинсли.

– Сэр! – взволнованно воскликнул второй оператор – непозволительно упитанный для военнослужащего сержант Маллиган. – На моем экране также пропали все засветки! Я потерял контроль над своими самолетами!

– И я! – гаркнул сидящий за Маллиганом тощий чернокожий Донахью.

– Да что у вас там творится, в конце концов! – зарычал полковник, вскакивая с места...

Он метался от монитора к монитору, то бледнел, то багровел, изрыгал ругательства. Операторы срывающимися от волнения голосами докладывали, что с системой энергопитания проблем нет, все работает, господин полковник! Старший смены, отработавший на АВАКСе восемь лет и никогда не сталкивавшийся ни с чем подобным, долго не мог поверить, что не владеет информацией о судьбе доверенных его смене тридцати крылатых машин. И только через десять минут, собрав в кулак всю свою суровую армейскую волю, выкурив на рабочем месте три сигареты, полковник Шеффилд скрипучим голосом доложил в штаб авиационного командования о случившемся. Первая неосознанная фраза принявшего сигнал дежурного офицера: «Вы что там курите, господин полковник?»

Жители крохотного поселения Джава в тридцати километрах южнее Хомса пробудились этой ночью от кошмарного грохота. Что-то мощно рвануло на окраине поселка. Другие взрывы, потише – немного южнее. Ошалевшие, перепуганные, ничего не понимающие люди полуодетые выскакивали на улицу, недоумевая, за какие грехи Аллах послал на них эту громкую кару. Свидетелем разыгравшейся в небе драмы никто не стал – проспали. Столкнулись лишь с последствиями. Груда железа, изрыгающая дым и пламя, валялась в низине за южной околицей деревни. При ударе о землю самолет развалился, фрагменты оборудования и обшивки разлетелись по низине. Стойка шасси проделала по воздуху долгий путь, грохнувшись перед порогом старика Аль-Маграба. Худой, как щепка, старец с выветренным морщинистым лицом отбивал поклоны Аллаху, недоумевая, зачем ему Всевышний послал именно вот ЭТО? Метрах в трехстах южнее, точно в центре опрятной апельсиновой рощицы, горел еще один самолет. Люди метались по деревне, мужчины встряхивались в штаны, женщины оборачивались во что попало. Несколько человек с криками бежали на южную околицу. Двое или трое катили на велосипедах – одному не повезло, наехал на бортовой самописец и чуть не сломал шею. Никто не понимал, что происходит. Кого бомбили? Кого, вообще, можно бомбить в пустыне ночью? Почему самолеты валяются с неба, словно это не самолеты, а осадки?

– Это не наш самолет, смотрите! – вопили с околицы. В свете пламени было видно, как люди мечутся среди горящих обломков, не решаясь подходить к переломанному пополам, извергающему сноп пламени фюзеляжу. – Это натовский самолет, вон их знак на хвосте! У наших зеленый круг! Мы сбили его! Мы сбили его!

Молодежь ликовала, благодарила Аллаха, кто-то хороводил в отблесках пламени, грозил кулаком ночному небу. Сочувствующих мятежникам из Бенгази в деревеньке Джава не водилось.

– Смотрите, что это? – кто-то выстрелил пальцем в небо. В озаренных пламенем «нижних слоях атмосферы» покачивался купол парашюта. Летчик судорожно натягивал стропы, чтобы не приземлиться в деревне. Его сносило – на разбросанные по пустырю горящие обломки. Люди с трепетным благоговением наблюдали за его полетом, пока кому-то не пришла в голову интересная мысль.

– Это летчик! – завопил молоденький паренек Абдусалам – племянник Фархата Абдуллы Саида – самого уважаемого мужчины в деревне. – Это натовский летчик! Ловите его!

Деревню Джава – так уж получилось – никогда не бомбили. Даже по ошибке. Здесь не было ни баз, ни складов, и военные заезжали сюда нечасто. Кучка строений из тесаного ракушечника, пекарня, небольшая ремонтная мастерская. Но то, что происходит в Триполи и других городах,

контролируемых правительственными силами, люди знали. О постоянных ужасающих бомбежках, о взорванных домах, не имеющих отношения к военной инфраструктуре, о сотнях погибших, о разрушенных электростанциях, мостах, дорогах. «За что?» – они не понимали. У старика Аль-Маграба погиб внук, служивший в ПВО и не успевший убежать, когда батарею стали забрасывать «Томагавками». У старой Фариды – два сына. Одного изрешетили свинцом повстанцы, выбивая правительственные войска из Рас-Лануфа, другой утонул в море, когда катер береговой охраны, на котором он служил, был подбит с атакующего его «Фалькона» ракетой с лазерным наведением...

Летчик, машину которого разбросало по приличной территории, чудом избежал приземления в горящий обломок крыла – остатки горючего в подкрыльной емкости активно питали оранжевый факел. Пока он путался в стропах, выбирался из парашютной ткани, которую с нескольких сторон охватывало пламя, вокруг него собирались люди. Летчик в плотном комбинезоне песочного цвета выбрался на четвереньках на ровную площадку, сорвал с себя шлемофон, стал обхлопывать голову, плечи, еще не понимая, что он не горит. Человек был в шоке. Кто я? Где я? Куда мне идти? Светлые волосы слиплись, лицо заливал пот, глаза затравленно блуждали. Он вскочил, увидев, что его окружают призраки, но поскользнулся, шлепнулся мягким местом, смотрел наполненными ужасом глазами, как удавка сжимается вокруг гор-

ла. Так нечестно! Он должен был отбомбиться и улететь – он мирный парень, он никому не желает зла! Кто все эти люди? На лицах окруживших его ливийцев плясали отблески костра, превращая их в каких-то оживших мертвецов, они уже сжимали круг, тянули к нему руки. Ей-богу, зомби... Летчик что-то захрипел, сжался в комок. Теоретически он помнил, что в кобуре имеется пистолет – 12-зарядная 9-миллиметровая «беретта», но как-то не связалось это с мыслью, что можно попытаться ее выхватить, кого-то испугать, может быть, даже выстрелить... Молодой парень с горящими глазами схватил его за грудки, встряхнул, швырнул затылком об камень. Летчик «отбился» правой рукой, голова не пострадала. Паренек схватил его снова, сжал кулак, чтобы сплющить нос.

– Не надо, не делайте этого... – захрипел летчик. – Я требую уважительного обращения...

С английским языком у ливийского паренька были проблемы. В школе проходили, но он не отличался прилежанием и усидчивостью. Он бы вмазал, к тому же люди уже гудели, выкрикивали одобрительные замечания. Подначивал Карам с разбитой головой – познавший подлость бортового самописца. Кто-то поднял увесистый камень, чтобы добить. Но тут, расталкивая людей, в круг вошел нахмуренный Фархат Абдулла Саид – приземистый мужчина лет шестидесяти, седой, широкий, самый авторитетный в этой пустоши.

– Оставь его, Абдусалам, – проворчал он, и паренек, за-

несший кулак, растерянно моргнул, опустил руку и, кажется, обиделся. Летчик, почувствовавший толику свободы, отчаянно заработал конечностями, стал отползать, пока не уперся кому-то в ноги. Стоящий нагнулся, вытащил у летчика из кобуры поблескивающую в отблесках огня, идеально смазанную «беретту».

– Мы не знаем, что происходит, – объяснил свою позицию «авторитетный» господин. – Наказать неверного всегда успеет. Лучше подождать до утра – может, к нам приедут военные и что-нибудь объяснят. Амал, Заир, хватайте парня да смотрите, чтобы не вырвался – и к баранам до утра. И чтобы не трогали его. Увижу, кто-нибудь швыряет камни, – лично высеку...

Шарлю Бурнье относительно повезло – гребень скалы отъехал в сторону, и он свалился на ровную площадку. Погасил купол, освободился от подвесной системы. Ползал по земле, воровато озираясь, собирал парашют в кучу. Скомкал его, на ощупь добрался до скалы, всунул в какую-то щель вместе с ранцем, завалил булыжником. Хоть что-то сделать по инструкции... В голове варилась густая каша, в глазах застрял горящий истребитель. Несколько минут он лежал на голой земле, переводя дыхание, стараясь не задумываться о причинах и последствиях. Он всегда считал, что с самообладанием у него все в порядке. Оно и было в порядке – на учениях и прочих мероприятиях, отличных от действий в реальной бо-

своей обстановке. Ладно, во всяком случае, живой и, кажется, здоровый. Немного успокоившись, он выбрался на ровное место, уселся на гладкий камень, стал озираться. Глаза привыкали к темноте – медленно, с неохотой. От береговой полосы его порядочно отнесло, он находился в пустынной местности в «условиях сложной топографии». До скалистой неровности, возвышающейся над местностью и тянущейся с запада на восток (он быстро сориентировался по сторонам света), было рукой подать. Зубчатый гребень почти сливался с ночным небом. Хребет не выглядел монолитным и непрерывным – чуть правее он сглаживался, дальше вновь теснились каменные изваяния. На юге местность была относительно ровной, но изрезанной трещинами и впадинами. Кое-где из земли прорывалась чахлая растительность – небольшие кусты, просматривалась парочка искривленных деревьев.

Голода Бурнье не испытывал, но после стресса он бы с удовольствием что-нибудь съел. Он ощупал карманы комбинезона, скинул плоский рюкзачок – обязательный атрибут на случай чрезвычайной ситуации. Ситуация, в которой он оказался этой ночью, похоже, выглядела чрезвычайно. Через пару минут он хрустел горьким шоколадом, запивал водой из фляжки. Ракетницу он потерял во время катапультирования – чем был изрядно раздосадован. В наличии оставалась 9-миллиметровая «беретта», запасная обойма, аптечка, «сухой корм». Дожевав плитку и сунув скомканную обертку под камень, Шарль задумался. Мысли потекли веселее. Что про-

изошло? Самолет упал, но при этом он не был сбит. Отказали все системы, и в первую очередь заглохли двигатели. Самолет был неисправен? Техники прошляпили? Но падал он не один, он точно помнил, с соседями тоже что-то приключилось. А потом эти огненные всполохи на земле... Несколько машин свалились наверняка. А что с остальными? Отбомбились по заданным целям и ушли на Сигонеллу? Геопатогенная зона? Злонамеренная акция? Но как такое можно сделать – чтобы у нескольких машин одновременно крякнули двигатели? Он решил не забивать голову вопросами, на которые нет ответа. Надо что-то делать. Возможно, его коллеги точно так же сидят посреди пустыни, ждут у моря погоды... Идти искать своих товарищей? Приклеиться к камню, ждать, пока прилетит спасательный вертолет? Он не может не прилететь, он обязательно прилетит. Они всегда прилетают. Вопрос лишь в том, заметят ли его – без ракетницы, без радиомаяка, который вмонтирован в кресло пилота, выброшенное катапультной вместе с летчиком? Идти искать любимое кресло? Самостоятельно выбираться из дикой местности и направляться к морю?

Память работала. Своих в беде не оставляют. Когда же это было? Кажется, на третий день операции... «F-15», вылетевший с авиабазы в Авиано, потерпел крушение из-за механической неисправности в сорока километрах от Бенгази. Летчики катапультировались. Тут же с борта американского «Kearsarge» взлетели два конвертоплана Корпуса морской

пехоты – спасти своих парней, которые приземлились раздельно. Спасли – все идеально. Позднее появились сообщения о ранении семи местных жителей огнем команды спасательного аппарата. История темная – что там случилось, но раз открыли огонь – значит, так надо было, не стали бы стрелять от нечего делать...

Что-то юркнуло среди камней – то ли змея, то ли ящерица. Сердце испуганно екнуло. На гребень вскарабкалось четвероногое животное, постояло, растворилось во мгле. Плохо видно, кто это был, да и знания о местной фауне «незавершенные» – гиена, шакал, собака – четвероногий друг двуногих неприятелей? Шарль сполз с камня, оттянул затвор. Шакалов и змей он ненавидел с детства – любых и в любом виде. И очень вовремя! Воздух наполнился ревом моторов – увы, не авиационных, и из-за гребня, разрезая воздух светом фар, вынеслась машина! Она катила какими-то сложными зигзагами – огибая канавы, подпрыгивая на кочках. Сноп яркого света вырвал из мрака камень, на котором сидел Шарль. Но его там уже не было – с колотящимся сердцем он полз к скале, стараясь сплющиться, слиться с землей. За первой машиной вырвалась вторая – отправилась по широкой дуге против часовой стрелки. Этот джип в отличие от первого помимо обычных источников освещения имел поворотный фонарь на крыше. «Парашютистов ищут», – сообразил Шарль, сползая в ложбину перед гребнем, где пятью минутами ранее похоронил парашют. Вполне могли заметить, как

он спускается с небес, а стало быть, из этого квадрата далеко не ушел; а может, нашли его кресло да резонно рассудили, что летчик поблизости... Он ненавидел себя – никогда еще не испытывал такого животного страха. За ним скатились несколько камней, хлынула глина. Он подавил страх, вернулся на косогор, подумав, что забиться в щель никогда не поздно, прижался к земле. Машины крутились по открытому пространству. Джип с прожектором и продолговатый пикап. Обе машины набиты людьми. Доносились мужские крики, гортанная арабская речь. Джип притормозил метрах в семидесяти от гребня, прыгнули двое и, взяв автоматы наперевес, углубились в извилистую канаву. Несколько фигур отделились от пикапа, выстроились цепью и отправились в северном направлении, изучая складки местности. Шарль всматривался до боли в глазах – люди в форме, военные! Джип подъехал к пикапу. Осветился выщербленный кузов. В пикапе происходила возня. Похоже, кто-то дрался. Возмущенный крик – и тело вывалилось за борт. Шарль в бессилии заскрипел зубами. Человек был в форме ВВС НАТО. Ему показалось, он узнал Доминика Лазара – парня из его эскадрильи, с которым он успел перекинуться парой слов перед вылетом. Летчик вырвался, побежал, но споткнулся. Куда тут бежать – в пустыне? Двое военных прыгнули на землю, принялись награждать его тумаками, схватили за шиворот и, посмеиваясь, перевалили обратно в кузов, где, принятый в «добрые руки», он очень быстро успокоился. Дюжины

патронов в обойме хватило бы с достатком, чтобы навести панику в рядах военнослужащих, а потом... либо сдаться, либо последнюю пулю – себе. Люди из пикапа, прочесывающие местность, уже приближались. С мыслью, что сдаваться все же придется, Шарль сполз к основанию скалы, втиснулся в узкую расщелину. Пространство расширилось, он вполз в черноту, подогнул ноги. Закрыв глаза, начал представлять, что все это безумие происходит с кем-то другим, не с ним. Например, с Полем Гурденом, которого он недолюбливал за драчливость, самонадеянность и безалаберность (в «личной жизни»). Заскрипела каменная крошка над головой, он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

В ложбину скатились несколько камней. Свет фонаря запрыгал по изрезанной скале. Очень некстати явилась мысль, что ливийцу ничто не стоит заглянуть под камень, на котором он недавно сидел, и извлечь обертку от шоколада. И тогда поиски обретут новый смысл и закончатся для кого-то плачевно. Послышалась возня, ливиец спрыгнул в яму, но, видимо, неудачно, оступися и упал. Французские ругательства звучат нежнее для уха... Кто-то засмеялся – помог искателю выбраться из ямы. Шаги отдалялись, крошка хрустела все тише. Шарль не шевелился. И лишь когда зарычали моторы и машины принялись перемещаться в другой квадрат поисков, он облегченно перевел дыхание, выпрямил и стал растирать затекшую ногу. Попутно думал, что расщелина, в которой он сплющился, не самое комфортное местечко на

Земле.

Он вылез, обустроился на камне и погрузился в раздумья. Если ищут парашютистов, значит, несколько самолетов свалились наверняка. Может, все? Нет, абсурд, он прогнал глупую мысль. Мощная армада – и вся разбилась, как столовый сервиз? Трудно представить, имея даже воспаленное воображение. Он включил подсветку часов. Два часа пятьдесят две минуты местного ливийского времени. Он хорошо запомнил время доклада оператора наведения о пересечении границы – час сорок пять ночи. Вскоре после этого в самолете отказали источники электроэнергии, и Шарля выбросило. Насколько «вскоре»? Минуты три... ну, уж точно не более четырех. Значит, он в сорока – сорока пяти километрах от берега. Нужно возвращаться. Но, с другой стороны, если работает радиомаяк, то за ним прилетит вертолет... во всяком случае, он должен надеяться, что прилетит, не собьется с курса, не рухнет, как прочие летательные аппараты. Летчиков будут искать, их не могут бросить на произвол судьбы...

Он проверил оружие, неприкосновенный запас, побулькала водой во фляжке, огорченно вздохнул. Похоже, наступали непростые времена. Но ведь учили выживать на специальных курсах! Пусть давно, пусть занятия в «школе выживания» подчинялись графику, обеду и ужину, но ведь должно было что-то осесть? Он жив, свободен – разве не подтверждение? Он решил не тянуть резину, отправляться сразу, пока не рассвело. Программа-минимум: найти укрытие до вос-

хода солнца. Он подтянул амуницию, сунул пистолет в кобуру, оставив патрон в стволе, и отправился на север в обход хребта. Через несколько минут он снова вышел на открытый участок. Впервые за последние полтора часа Шарль почувствовал холод. Летный комбинезон не был рассчитан на суровые ливийские ночи. Он сделал комплекс упражнений, чтобы разогнать кровь в жилах, прислушался. Пустыня не подавала признаков жизни. Джипы не носились, вертолеты не летали. Он начал перемещаться на север перебежками – решив, что будет двигаться по буеракам, пока не кончатся силы. Но сломался на первой же «стометровке» – пустыня изобиловала препятствиями естественного происхождения. Он скорчился в яме, прижался спиной к холодному камню, чтобы отдышаться, собраться с силами перед новым забегом. И без всякой задней мысли провалился в сон...

Али Гусейн-оглы Магомедов сидел, потрясенный, возле своей установки и не мог поверить, что все произошло на самом деле. Его установка работала! Бессонные ночи, проклятая работа годами, слезы, пот, нервные клетки – все не зря! Все вернулось сторицей, да еще какой! Он создал самое эффективное оружие в мире, не связанное с массовым уничтожением людей! Почему же не хочется радоваться и пускаться в пляс? Самолеты, идущие бомбить объекты в Ливии, падали, как подстреленные птицы. Он видел, как гасли бортовые огни, слышал, как гремели взрывы на земле – далеко на юге,

но такие мощные, что тряслась земля, и все прекрасно было слышно. Десятки взрывов – отдельные сливались. Взрывалось горючее, взрывались бомбы и ракеты, облепившие самолеты, патроны, снаряды. Грохотало так, что хотелось заткнуть уши. . . Ливийцы из сопровождения высыпали из джипа, восторженно кричали, прыгали, веселились, словно дети, подбежал старший, хлопал Али по плечу, что-то крикнул в лицо. Помощник Ильхам – талантливый 24-летний парнишка, выпускник Бакинского технологического университета, которого он привез с собой из Азербайджана, тоже выглядел потрясенным и слегка контуженным. Чистил уши, будто взрывалось не где-то на юге, а в соседнем овраге, блуждал по площадке как-то боком – словно потерял координацию, бормотал под нос нескладицы. Еще бы – не две, не три, не половина воздушных машин, а вся армада, увешанная смертью, обрушилась на землю от одного нажатия кнопки!

– Али Гусейнович. . . – Паренек, как-то странно хлюпя носом, плюхнулся рядом с ним. Он дрожал, как котенок. – Неужели мы сделали это, Али Гусейнович? Все упали. . . А с летчиками что? Они погибли?

– Летчики катапультировались, Ильхам, – бросил Али. – Они не будут гибнуть вместе со своими самолетами. Если не станут чудить и глупить, все выживут. Их соберут и на что-нибудь обменяют.

– На что? – недоумевал паренек.

– Ну, не знаю. На прекращение бомбардировок, напри-

мер.

Он старался не задумываться о судьбе летчиков. Знал, на что шел. И летчикам урок. Инициатором войны была не Ливия. Проще всего – захватив цель, нажать гашетку, оттянуть рычаг, нажать кнопку – техника все сделает, а летчику можно и не думать, что от его действий гибнут мирные жители, взрываются дома, плачут дети, оставшиеся без родителей. Он выполняет приказ. Он не видит, как кто-то там внизу гибнет. Он уже далеко. Он может даже верить, что бомбит исключительно военный объект, из которого заблаговременно удалили людей, – или успокаивать себя этим...

Словно умирать собрался – вся жизнь пятидесятилетнего Али пролетела перед глазами. Выходит, не зря прожил? Странный какой-то итог – вроде и не рад, опустошен, раздавлен... Правовой мусульманин, хотя и не сказать, что лоб готов разбить, земных удовольствий не чурался, с молитвами не переусердствовал. Разве что в последние годы, когда уже не знал, на кого уповать, кроме Аллаха – Всевидящего и Всемогущего... Родом из Баку – тогда еще столицы Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Семья интеллигентов – отец Гусейн Ильхом-оглы Магомедов посвятил себя архитектуре, кандидат наук, многие годы преподавал в Бакинском госуниверситете, скончался в 2000 году в возрасте 64 лет. Мать Залида – районный терапевт, здравствует, слава Аллаху, и по сей день. Живет в трехкомнатной квартире в центре Баку – вместе с семьей сына Али, научи-

лась уживаться с невесткой Зазой, теперь они на пару пилят Али, что только он в семье не добился высот, неудачник, всю жизнь бьется лбом, занимается неизвестно чем, а семью прокормить не может! Остальные пристроены, обеспечены, с оптимизмом смотрят в завтра! У младшего брата Ариффа прекрасная семья, инженер-механик по образованию, имеет бизнес по продаже иномарок – четыре года является совладельцем престижного в Баку автосалона. Эльдар – старший сын Али – работает в фирме инженером, чудесная жена, двое очаровательных малюток; средний сын Тофик юрист по образованию, в банк недавно устроился, жениться хочет; младший Рафик – электрик, квартиры нет, живет с родителями, но получает больше отца, поскольку руки не из задницы растут, как у некоторых...

Один Али – перекаати-поле, идеальный пример, как не надо. А какие надежды подавал. В 78-м окончил школу с серебряной медалью. Блистал на городских и республиканских олимпиадах по физике и математике. В 83-м окончил МВТУ имени Баумана, диплом с отличием. По распределению попал в закрытый НИИ под Москвой. Позднее перевелся в филиал того же института в родном Баку. До 91-го успешно делал карьеру – вырос из младшего научного сотрудника до заведующего экспериментальной лаборатории, защитил кандидатскую. Амбиций было не перечесать, научную карьеру считал основой жизни, мечтал стать известным ученым. В 92-м... все рухнуло. Институт и филиал закры-

ли, сотрудников выбросили на улицу, не считаясь с заслугами, научными званиями и амбициями. Черная полоса тянулась много лет, он мыкался по фирмам, торговал на рынке – летом овощами, зимой обувью, несколько раз балансировал на грани суицида... Для родных и близких и прочих «посторонних» было секретом, что в советское время Али Гусейнов работал в закрытом НИИ под Зеленоградом (а позднее в Баку) над созданием оружия нового поколения – так называемых «лучей смерти». Перестройка и развал страны не позволили завершить задуманное, хотя установка была почти готова. Все пропало – чертежи, воплощение отдельных элементов в железе. Коллектив единомышленников распался. Люди отчаялись, судьба разбросала: кто-то сгинул в лихие девяностые, кто-то перебрался за границу, другие остались в СНГ, сменили сферу деятельности и давно забыли, чем занимались в советское время. Один Али не забыл. И все у него получилось – невзирая на нытье жены и матери, на дикие трудности, на неверие других и в первую очередь себя! В средствах массовой информации активно муссировалась тема возможной авиационной или даже полномасштабной войны Соединенных Штатов в Иране. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, введены международные санкции против исламской республики. Обстановка накалялась... и в один прекрасный день Али пришел к мысли, что он может сказать свое веское слово в предстоящей войне. Он не был мусульманским фанатиком, без восторга относился к иран-

скому режиму, но защитить единоверцев от нападков зарвавшихся империалистов считал делом благим и со всех сторон богоугодным. Он должен был создать установку «смерти», применить ее, порадовать свое честолюбие и наконец-то заработать – сколько можно его пилить?!

Первые же расчеты показали, что имеется шанс создать установку небольшой мощности и ограниченного радиуса действия. Требовались деньги и хоть какой-то коллектив единомышленников. Он доверился младшему брату Ариффу – и родственник не подкачал. Он свел Али с парочкой влиятельных бизнесменов, торговавших с Ираном и меньше всего заинтересованных в поражении последнего. Хорошенько подумав, присмотревшись к «соискателю», прикинув плюсы и минусы, бизнесмены пообещали финансировать проект и неплохое вознаграждение после успешного испытания установки. И работа закипела! Али, как проклятый, носился по странам СНГ, вылетал в Чехию, в Болгарию. За пару месяцев нашел нескольких сотрудников своей лаборатории, расписал им «звездные» перспективы, наобещал золотые горы. Четверо «голодных лаборантов» согласились взяться за создание установки. Заново проводились расчеты, воссоздавались чертежи. Он открывал в себе новые грани – скажем, склонность к авантюре. Договоренность с некими сомнительными личностями, подкреплённая суммой в валюте, – и под мраком ночи со склада бывшего головного НИИ в Москве, куда после расформирования увезли все са-

мое ценное из Бакинского филиала, были похищены готовые блоки установки. Владельцы склада не расстроились – они вообще не понимали, что хранили. Переезд с единомышленниками в Нижний Новгород. На одном из военных заводов удалось изготовить недостающие блоки – заказов у завода не было, деньгам администрация обрадовалась, и по мере изготовления даже в голову никому не пришло спросить, что они, собственно, делают. Военным до компании, возглавляемой неким азербайджанцем, вообще никакого дела не было. Бардак и безответственность цвели махровым цветом, но в тот момент для дела Али они были непреложным условием. Установку испытали в том же Нижнем – рано утром на федеральной трассе у въезда в город. Как террористы, засели в кустах, тряслись от страха – поймают, не получится, все пропало... Вся «беда» благополучно уместилась в закрытом кузове молочного фургона, задние двери раскрыли, изнутри что-то загадочно поблескивало – большое, плоское и «неземное». Результат эксперимента превзошел ожидания! Зона поражения – несколько километров. Без шума, копти, всяких вредоносных излучений – сотни машин встали, как вкопанные. Гам, вопли, крики недоумения! Кто-то съехал в кювет, но, кажется, не пострадал. Пробка образовалась гигантская. Пристыженные, взволнованные, втихомолку ликующие, выключили установку, живо все собрали – и давай окольными путями на соседнюю дорогу. Самое смешное, что в городе остановили гаишники и настоятельно ста-

ли требовать показать содержимое кузова. Кураж еще не выветрился, и на вопрос изумленного гаишника «что за хрень такая?» распахнувший двери Али возмущенно отчитал милиционеров: «Читать не умеете, товарищи инспекторы? Русским языком сказано – «Молоко»! Неужели не видно: дезодорационная установка серии П8 – для удаления из молока посторонних запахов и снижения содержания воздуха. Метод вакуумной дегазации – ни о чем не говорит? Везем на 1-й молокоперерабатывающий завод». Гаишник не нашелся, что ответить, и, смутившись, отпустил с богом «работников молочной промышленности»...

Авантюрный ум работал. Убедившись, что установка готова, Али решил продать ее еще раз – теперь в России. Денег, как и водки, много не бывает. Он активировал старые связи, нашел контакты в Министерстве обороны. Вопрос решался чудовищно медленно, с волокитой. Как всегда – никому ничего не нужно! Впервые в жизни Али столкнулся с такой непробиваемой бюрократией! Он был нешуточно изумлен, до какой же степени чиновникам на все плевать! «Завершающим аккордом» стал визит в один из высоких кабинетов. «Ответственный» господин в погонах с одной, но большой звездой смотрел на него глазами невыспавшейся жабы и откровенно не понимал, чего хочет ученый. С современными оборонными разработками в «поднимающейся с колен» России все в порядке, «сказочные» проекты ведомство не интересуют. Впрочем, если товарищ согласен «откатить» некото-

рую сумму, можно попробовать посмотреть, что за идея такая, и выработать ряд пожеланий и рекомендаций... Излишне говорить, что Али громко хлопнул дверью.

Безуспешное «хождение на сторону» удалось сохранить в тайне. Через месяц Али продемонстрировал установку заказчикам. Бизнесмены впечатлились и даже немного испугались («шайтан-машина» какая-то). Долго думали и решили раньше времени не информировать иранских «товарищей». Заказчики помогли Али вместе с помощником тайно переправить установку в Западный Азербайджан, где на уединенной вилле в районе города Сильване Али продолжал работы по усовершенствованию своего детища. Проблем с финансированием не было, на выходные он ездил в Баку – к детям, к матери, к жене. Он уже не был «семейным уродом» – он зарабатывал больше, чем вся эта компания, вместе взятая!

Оставалась единственная заковыка: война в Иране, о необходимости и неизбежности которой так много говорили специалисты, все никак не начиналась. А порой, читая новости, переваривая аналитические заметки, он начинал переживать, что она никогда и не начнется! «Стрельба» по машинам на трассах – одно, а поворачивать вспять историю – несколько другое. Все чаще возникали сомнения, что именно то, для чего создавалась установка – уничтожение в массовых количествах военно-воздушных объектов, – может не выгореть. Требовался эксперимент – мощный, с размахом, на полную катушку. А сбивать гражданские самолеты для

Али Магомедова было неприемлемо в принципе, хотя не раз завуалированные предложения от заказчиков и поступали. Невзирая на то что он делал, Али считал себя человеком с твердой моральной позицией и верил в искупление грехов.

Конец 2010 года. Начало следующего. Вспыхнул Тунис, взорвался Египет, Сирия, Йемен. Арабский мир залихорадило. Стартовали беспорядки в Ливии. Власть Каддафи, висевшая на волоске, внезапно окрепла и показала всему миру, что считаться с ней стоит. В марте начались бомбардировки НАТО, и Али, окопавшемуся в родном Азербайджане, стало интересно. Но установка считалась проданной, он не был волен распоряжаться ею по собственному усмотрению. Али не знал, что разведка Каддафи рыщет по всему миру и его уже заметили. Полковник МО России, с которым он был на контакте, слил информацию об Али Магомедове военному атташе посольства Ливии в России, и в один прекрасный день на вилле в Сильване объявились два учтивых господина арабской внешности, предъявили полномочия, представились. Один оказался сотрудником Секретной организации Джамахирии (Hayat Ann al Jama-hariya), второй представлял военную разведку – Istikhbarat al Askariya. Беседа, к удовольствию сторон, проходила продуктивно. Господин Али может не беспокоиться – войны в Иране в ближайшие десять лет не будет. Корпус стражей исламской революции приступает к учениям «Великий пророк-6», включающим ракетные запуски. Будут испытывать ракеты ближнего, среднего, даль-

него радиусов действия – в частности «Шахаб-3», способные достичь Израиля. Уже и лозунг придумали – «Послание мира и дружбы в адрес других стран региона». Никто в своем уме в эту клоаку не полезет. Другое дело – Афганистан, где еще пещерный век не кончился, или Ирак, в котором даже химического оружия не нашли. Так что с братьями-иранцами все в порядке. А вот север Африки тонет в крови. Вопрос с азербайджанскими бизнесменами и их иранскими коллегами улажен за приличную сумму. Их любезность не знает границ, они готовы позаимствовать установку и ее творца (если творец, конечно, не возражает). И творца не должно волновать, каким образом установка перенесется в воюющую, разорванную на части Ливию – соответствующие люди об этом позаботятся. Готов ли он принять посильное участие в судьбе единоверцев? И – черт возьми! – прекрасная возможность проверить установку в деле!

«Гонорар» за работу был такой, что Али не поверил. Половина суммы – авансом. Закружилась голова, дыхание перехватило от безбрежных перспектив. Он уже не слушал, что там стонет жена, о чем лопочут дети, мама, младший брат. Они никогда не хотели его понять! Он поразили четкости действий ливийских спецслужб. Переброска в Триполи через Хартум – без единого происшествия. Установку переправляли частями – через Марокко и Алжир. Создали все условия – кормили, поили, опекали и чуть ли не спать укладывали. Любое пожелание Али Магомедова становилось за-

коном, и специальное подразделение «опекунов» разбивалось в лепешку, чтобы его выполнить. Но больше всего Али изумила безупречная операция, проведенная спецслужбами, по поиску наводчиков авиации НАТО, которые дали точные данные о времени и месте нанесения очередного удара, а также предоставили координаты пересечения границы...

– Господин Али, пора сворачиваться, – прозвучало над ухом.

Он вздрогнул, поднял голову. Праздник отгремел, ливийцы были собраны и деловиты. Ильхам, еще подрагивая от волнения, преданно смотрел боссу в рот, ожидая указаний. Руководитель группы поддержки капитан Азиз Урхан ждал ответа.

– Да, конечно, капитан, – восторженно воскликнул Али. – Ильхам, живо разбираем нашу кормилицу... Какие планы, капитан? Куда приказано доставить установку?

– У меня приказ – чем бы ни закончились испытания, доставить пушку на базу ПВО под Махинеи – это двадцать километров в направлении Триполи. Рисковать мы не можем, везти ее в столицу опасно, эта штука должна находиться под надежной охраной.

– Опасно, Азиз, – скептически покачал головой Али. – Об этой штуке никто не знает – режим секретности и все такое. Окружите тремя кольцами охраны – у любопытных сразу появится соблазн выяснить, чего вы там охраняете. А любопытных в этих краях – больше, чем сусликов. Согласны,

капитан?

– Согласен, господин Али, – усмехнулся Урхан. – Но согласилось бы с вами еще и мое начальство...

Али посмотрел на часы. До рассвета – больше часа. Вполне успевают разобрать установку и доставить под Махинеи...

И снова повезло французскому летчику – он протащился по овражистой местности метров двести и наткнулся на кресло, в котором выпал из самолета! Свалилось оно удачно – можно присесть и отдохнуть. Впрочем, расслабляться в нем не стоило – лишь прикоснулся, и оно развалилось на две половинки. Плевать – отличная примета для пилота! Первым делом он проверил радиомаяк. Устройство работало! Лампочка мигала в такт посылаемому радиосигналу. «Спасен, почти спасен», – радостно колотилось сердце. Кресло валялось в ложбинке, значит, надо выйти на равнинную местность и терпеливо ждать спасателей. «Может, западня?» – запоздало сработал предохранитель. Он выхватил пистолет, сполз в извилистую канаву. Но что-то не похоже было, что его окружают кровожадные солдаты Каддафи. Тишина стояла – как во вчерашнем дне. Выждав несколько минут, он вернулся к находке, походил вокруг да около, проверил при помощи карманного фонарика, не ступала ли рядом нога человека. Можно успокоиться, ждать – люди на джипах кресло не нашли. Он выбрался из ложбины, пристроился в седловине между двумя покатыми валунами и принялся же-

вать неприкосновенный запас. Сколько самолетов упало? Он не знал. Кроме него, падал Доминик Лазар, падал Гурден, Жюстье, швед Свенсон, кто-то еще. Если поймали Лазара, это не значило, что поймали всех остальных. Возможно, кто-то еще бегал по пустыне, кто-то забился в укрытие, выжидал, кто-то, как и он, прорывался на север. Если объединить усилия, бежать бы стало веселее. Но сколько он ни вслушивался, не различал ни звука. Горизонт был чист, вертолеты не летали. Гул спасательного геликоптера он бы различил среди сотен других звуков. Сколько можно тут сидеть? До рассвета совсем немного...

Шарль Бурнье разрывался на части. С одной стороны, он был уверен, что за ним прилетят – маяк работал! С другой – начинал серьезно в этом сомневаться. Причин тому – воз и тележка. Батарея скоро сядет, передатчик превратится в бесполезный кусок железа. Цепные псы вновь начнут прочесывать местность, и радостной встречи уже не избежать. Но идти по «усложненной» равнине тридцать или сорок километров... Как бы он ни мчался, а рассвет неизбежен, и где достигнет, неизвестно. Не пора ли перестать терзать надорванную психику?

Он задремал, очнулся от звука мотора! Начал вслушиваться. Кажется, немного рассвело. Небо на западе подернулось багрянцем, черная мгла, окутавшая пространство, понемногу рассасывалась. Мерный рокот то затихал, то появлялся. Вертолет летел зигзагами. Шарль вспотел от волнения,

вскарабкался на камень. Он увидел его! Черная транспортная штукавина «Sea King» фирмы «Сикорский», принадлежащая ВМС США, выполняющая спасательные функции, неторопливо шла с востока на запад – на изрядном удалении. Он запрыгал, замахал руками, собрался что-то завопить, но опомнился – этим воплем он только обрадует охотников, рыщущих в ночи по пустыне. Ракетницу у него оторвало при катапультировании, хорошо, хоть голову не оторвало вместе со шлемофоном! Вертолет уходил, он кусал губы от отчаяния. Прошла минута, двухвинтовая машина со спасателями растворилась в дымке. «Еще не все потеряно», – резонно рассудил пилот. Сигнал они уловили, сомневаться не приходилось. Возможно, летят за кем-то другим. А позднее вернуться за ним. Но сидеть на месте становилось невмоготу. Доводы рассудка не работали. Он подхватил рюкзачок с НЗ и припустил по изрезанной местности вдогонку за вертолетом. Пока вернутся, уже рассветет, его увидят...

Забег оказался короче, чем он планировал. Он присел на корточки, когда где-то сбоку протарахтел автомат. Российский «калашников» – без вариантов. Он распластался на голой земле, учащенно дышал, боролся со страхом. Впервые мелькнула капитулянтская мысль: сколько ни бегай, а все равно поймают – днем раньше, днем позже. В этой местности поклонников Каддафи – как устриц в Ла-Рошели. И «павших шайтанов» будут искать, пока в лепешку не разобьются. Но

стреляли не в него, где-то сзади – на западе. Он прислушался. Очередь повторилась, потом прозвучали несколько одиночных выстрелов – такое ощущение, что из старых берданок – и все стихло. За камнями и косогорами трудно разобратъ, что происходит в трехстах метрах. Он пополз дальше, затем поднялся, стал передвигаться короткими перебежками, чертыхаясь сквозь зубы – в небе на высоте десяти тысяч метров он чувствовал себя гораздо увереннее, чем на этой чертовой земле...

Пологий косогор, он взобрался на него... и присел от неожиданности. Под холмом раскинулось небольшое поселение. Деревенька не из процветающих, полтора десятка глинобитных строений с плоскими крышами, в центре водокачка – под ливийской пустыней залегает целое море пресной воды, так что проблем с ней не бывает в принципе. Продолговатые сооружения на отшибе – видимо, овчарни, водопойные корыта, пустыри, заваленные хламом. Он всматривался до рези в глазах. Деревня спала. Спал грузовичок у крайней избы. Свет не горел, хотя имелись и столбы, и провода. Возможно, в эту местность охотники за летчиками еще не проникли – иначе давно бы тут всех построили. Интуиция подсказывала, что встреча с местными жителями – не самое подходящее в его положении. И вообще, не стоит катапультироваться над местностью, которую только что бомбил... Он отправился в обход деревни, долго стоял за одиночными деревьями, всматривался в предутреннюю серость.

Рожица за дальней околицей выглядела вполне симпатично. К ней он и припустил, огибая сараи и стараясь держаться подальше от внезапно возникшей асфальтированной дороги, огибающей деревню с юга. Он крался мимо длинных овчарен, издающих умопомрачительные ароматы, мимо крохотных сараюшек. Ночь отступала, пятилась, рассвет набухал. Он оступися, споткнулся о ржавое ведро, ругнулся по французской маме, выхватил пистолет и присел. Грохот был что надо. И реакция не замедлила – с тягучим скрежетом отворилась дверь сарая, буквально рядом, и на пороге объявился зевающий паренек лет семнадцати, в дырявых мешковатых джинсах, в застиранной майке, снятой с какого-то безразмерного богатыря...

Немая сцена продолжалась секунд десять. Абориген протер глаза, усердно ими поморгал и стал разглядывать пришельца. Постепенно они расширились, округлялись от страха. Он попятился за порог, но Бурнье уже метнулся, сцапал паренька за ворот, отволок от двери и прижал к стене сарая. Мальчишка не трепыхался, сообразил, что противник сильнее, да и ствол пистолета, вдавленный в живот, не очень-то располагал к импровизациям.

– Тихо, тише, дружище, – шипел по-французски Шарль. – Ты не поверишь, мне не хочется тебя убивать, но будешь держаться, убью с великой радостью...

Парень по-французски не понимал, но фраза в переводе не нуждалась. Шарль сжал пареньку горло, а ствол продол-

жал буравить желудок. Украдкой осмотрелся – вроде тихо. Пленник таращился на него огромными детскими глазами, не шевелился.

– Ты понимаешь, что я говорю?

По глазам было видно, что не очень.

– Английский знаешь? – перешел он на классический «королевский».

– Совсем мало... – прохрипел паренек. – В школе учили...

– Отлично, – хмыкнул Шарль. – Много и не надо. Надо же, у вас тут в Африке и школы есть... Не убежишь? – он слегка ослабил хватку.

– Постараюсь... – Чувство юмора у паренька было.

– Слушай, – Шарль произносил слова почти по складам, стараясь не применять сложных грамматических конструкций. – Я не хочу тебе зла, я вообще никому не хочу зла. Я летчик, понимаешь? У меня есть деньги, много денег, – для убедительности он пошарил по внутренним карманам комбинезона (не убирая ствол от возможной мишени), извлек купюру в пятьдесят евро и сунул в руку пареньку. Тот с изумлением уставился на ценное приобретение. – Отведи меня к морю, получишь еще – десять раз по столько, понял? – Он два раза показал растопыренную пятерню.

– Пятьсот, что ли? – прохрипел паренек. Он оказался грамотен не по годам. – Нет, тысяча...

– Хорошо, вымогатель, – подумав, согласился Шарль. Незадолго до вылета он получил от командира полка конверт

с месячным жалованием. В баре спустил немного, крошка Софи оказалась не воровкой (о, эти жгучие глаза...), домой решил не переводить, поскольку переводил и в прошлом, и в позапрошлом месяце. – Смотри, вот они, – он выгреб из кармана пачку наличности, сунул пацану под нос и снова убрал. – Отведешь меня к морю – получишь. Обманешь – шею откручу. – «А надо мне к морю? – засомневался он. – Может, к маяку вернуться и ждать? Ведь прилетят когда-нибудь эти горе-спасатели...»

– Хорошо, – просипел малый. – Да убери ты руки, больно же...

– Хорошо, приятель, убираю, но смотри у меня...

И снова лютой стужей сковало! Заурчали моторы – резко, на простуженной ноте, – и из-за холма выпрыгнули две машины! Они катили по дороге мимо деревни. Джип, увешанный антеннами, а за ним – небольшой грузовичок со скрипящими бортами. Шарль подивился своей реакции – схватил обомлевшего паренька за ворот, швырнул за угол, словно шар от боулинга, и прыгнул сам, ободрав колено о какой-то глиняный нарост. Пикнуть не дал, вдавил носом в землю, а в спину упер «беретту» и по-дружески предупредил:

– Заорешь – убью. Мне терять нечего.

Паренек покорно молчал, лишь сопел, выражая недовольство по поводу своих ущемленных прав. Шарль вытянул шею, глянул за угол. Назревали крупные неприятности – даже катастрофа! Головной внедорожник, униженный антенна-

ми, как дикобраз иголками, сбавил ход, он тащился мимо деревни, все больше замедляясь. Усатые физиономии, которых там было не меньше пяти, дружно развернулись и сканировали спящее поселение. Офицер, сидящий справа от водителя, что-то бросил приказным тоном – джип встал как вкопанный. Грузовик затормозил, едва не ткнувшись ему в бампер. Шарль задрожал – в кузове грузовика, привалившись к кабине, под охраной вооруженных военных сидели понурые, бледные, как мертвецы, летчики из его эскадрильи – капитан Гийом Ришар и старший лейтенант Пьер Брион. Руки у них были связаны. Щеку капитана украшал рубец с запекшейся кровью, а у модника Бриона были подбиты оба глаза – причем так качественно, что он вряд ли что-то видел. Капитан Ришар поднял голову, поводил по сторонам мутными глазами и вновь уронил ее. Похоже, его наградили сотрясением мозга. Офицер, сидящий в джипе, выбрался на подножку, обозрел окрестности ястребиным взором. Открыл рот – чтобы дать приказ осмотреть деревеньку, но тут в джипе что-то запищало, сидящий в «хвостовом» отсеке, где находилась компактная станция радиобнаружения, выдал бодрую тираду. Офицер переменялся в лице, прыгнул обратно в салон... и джип стремительно стартовал. Грузовик, чадя двуокисью, резво покотил за ним. Покачивались связанные пленники с опущенными головами, покачивалась охрана, вооруженная до зубов... «Пеленгатор!» – сообразил Шарль. Уловили сигнал, издаваемый радиомаяком в его выброшенном кресле.

И через пару минут будут там – уж знают объездные пути. Обложат квадрат, сядут в засаду – не поймают летчика, так хотя бы обстреляют спасательный вертолет, который рано или поздно прилетит! Дилемма решалась однозначно – назад к маяку дороги нет. Как славно, что он оттуда уже сбежал...

– Да отпусти ты меня, больно же... – зашипел паренек и задергался.

Шарль опомнился, отпустил мальчонку. Тот откатился, сжался в комок и с неприязнью стал разглядывать летчика.

– Звать-то как тебя, чудо? – поинтересовался Шарль.

– Гамал, – буркнул местный.

– В этой деревне живешь?

– Ну, нет, – всплеснул руками отрок, – в Бенгази. Не видно, да? Овцы у меня тут. Караулю... от таких, как ты.

– О да, я известный овцекрад, – усмехнулся летчик. – Ну что, Гамал, идеи есть? Придумай что-нибудь, Христом заклиная... или Аллахом вашим, мне без разницы. Доставишь к морю, где нет военных, – получишь тысячу евро. В Тунис или на Лампедузу... – еще тысячу. Думай. Нормальный, мне кажется, бизнес.

– К мятежникам не хочешь? – криво ощерился Гамал.

– Нет, не хочу, – подумав, отказался Шарль. – Мы их, конечно, поддерживаем, но что-то мне подсказывает, что там такое ассорти... – он спохватился: – А ты сам-то, друг, за кого?

Гамал смотрел на него исподлобья, оценивал, рассматри-

вал варианты. Сложно было представить, что творится под черепной коробкой у мусульманского паренька. Что он знал про этих правоверных магометан? Только то, что они другие люди, другое мышление, иные взгляды, ценности и смерти в большинстве не боятся, поскольку в раю им обещаны такие соблазнительные удовольствия...

– Иди за мной, – ворчливо бросил Гамал.

Чугунная усталость навалилась на пилота. Подобные перегрузки он не приветствовал даже в воздухе. Они крались мимо неказистых приземистых построек. Щуплая спина хитроватого отрока мерцала перед глазами. Он старался не отставать. Деревня еще не проснулась. Но вот пронзительно заголосил петух – надо же, как в родной деревне Сен-Жестен под Тулузой... Он дернулся, словно бомба сработала за спиной, Гамал вполголоса чертыхнулся. Они прошли пару замусоренных дворов, и Гамал жестом приказал засесть за углом. Шарль попятился, присел за ржавую бочку – доверять в этой местности было некому, кроме паренька. Придерживая падающие штаны, воровато озираясь, Гамал на цыпочках вошел в дом, а через несколько секунд вернулся, позвякивая ключами. Сделал знак следовать за ним. Через пару минут они подбежали к тому самому грузовику, стоящему за амбарами. Машина доживала свой век и, видимо, предпочитала бы это делать в спокойствии и неподвижности. Гамал приложил палец к губам, приказал ему спрятаться за кабиной, а сам забрался в кузов и принялся там что-то ворошить

и сбрасывать мешки. Звякнул металл, и вдруг пронзительно запахло – то ли мазутом, то ли машинным маслом. «По кузову разливает? – озадачился Шарль. – Зачем?»

Парень ловко спрыгнул, открыл кабину со стороны пассажирского сиденья.

– Полезай. Да не на сиденье, а под него... согнись там как-нибудь. И вообще молчи, слышать тебя не хочу...

Вопросов было много, но задавать их не хотелось. Шарль скорчился под сиденьем, где оказалась вполне вместительная ниша. Опомниться не успел, как на голову свалился зловонный мешок, набитый чем-то мягким. За мешком – второй, и все это дело паренек принялся усердно утрамбовывать – вместе с летчиком. Возникло непреодолимое желание сбросить с себя все эти нечистоты и хорошенько надрать детскую задницу.

– Овечья шерсть, – на ломаном английском пояснил Гамал. – Тетка Надира стрижет овец, а я иногда вожу ее в Аз-Вари, сдаю старому Абдалле. В такую рань, правда, не вожу, но какое кому дело?

«Действительно», – подумал Шарль и охнул, когда третий и четвертый мешки придавили первые два, и на все это зловонное хозяйство, мстительно похмыкивая, свалился Гамал, чтобы не торчало ничего лишнего.

– Ноги там спрячь, – буркнул он. – Сейчас поедем.

Это было нелегким испытанием для летчика. Зажатый, скрученный спиралью, он обнимал «беретту» и молил лишь

об одном: чтобы конечности не свело судорогой. Бегство из деревни было зажигательным – мотор заработал со старческим кашлем, машину затрясло, днище безжалостно завибрировало... и Шарль проклял ту минуту, когда попросил у пацана помощи! Но вскоре машина выехала на асфальт, и мучения перешли в плоскость зудящую и монотонную. Он даже не спросил, куда они едут. Уж не в гости ли к сотрудникам ливийских спецслужб? Если за каждого сбитого летчика обещана награда, то зачем напрягаться, подвергать себя опасности, чтобы заработать как-то еще? Поначалу он считал секунды, из секунд составлял минуты – чтобы определить, какое расстояние они проехали. Потом сбился, стал проваливаться в болезненную дремоту. Пронзительно завыла машина, идущая на обгон. Гамал, не по-детски ругаясь, ударил по тормозу. Грузовик встал, словно кобыла перед барьером. «Вот и все, – подумал Шарль, – это патруль». Это было именно то, о чем он подумал. Захлопали двери, кто-то подбежал к кабине со стороны водителя, распахнул ее. Протопал другой, заскрипели борта – человек подпрыгнул, заглянул в кузов, в тоне комментария сквозило что-то брезгливое. Собеседник Гамала задал несколько вопросов. Парнишка отвечал без страха, с явным недовольством – какого, дескать, черта? Что тут у вас случилось? В нагромождении незнакомых слов Шарль пытался уловить хотя бы тональность – о чем шла речь? Пару раз проскакивало – Аз-Вари. Он сообразил, парнишка намеренно разлил в кузове

какую-то гадость, чтобы объяснить, почему «ценный» груз перевозится в кабине. Распахнулась дверца в паре дюймов от головы. Возникла странная мысль: станет ли он стрелять, если обнаружится наличие неучтенного пассажира? Не станет, сдастся в плен, поскольку дружит с головой и беспричинное геройство ставит в ряд с воинским преступлением. Зачем тогда хвататься за пистолет? Владелец хриплого голоса что-то выговаривал, переходя на смех. Шарль почувствовал тычок – патрульный ударил кулаком по мешку. Конечно, очень смешно. Расхохотался и Гамал – при этом поднял кулак и тоже треснул. В голове отдалось и зазвенело. «Ладно, паршивец, – подумал Шарль. – Если повезет, у меня еще будет время надрать тебе задницу». На этом текущие неприятности, слава Спасителю, закончились. Грузовичок неторопливо покорял просторы ливийского Средиземноморья. В какой-то миг пилоту почудился запах йода – признак приближающегося моря. Потом опять гудели машины, горланили люди: утро настало, грузовик тащился по населенному пункту. Пара поворотов – влево, вправо, Гамал ожесточенно ударил по тормозам, высунулся из кабины и, корча из себя взрослого, принялся вопить на зазевавшегося аборигена – подробно объясняя, что думает о нем лично, о его близких и дальних родственниках и о его праве на пожизненное звание ишака. Заскрипела арба или телега, абориген неохотно освобождал дорогу. Грузовик рывками тронулся...

Потом он въехал во двор. Парнишка спрыгнул с поднож-

ки, сбегал – запер ворота. Вернулся, распахнул дверцу, принялся выбрасывать мешки. Схватился за живот, узрев позеленевшую физиономию перевозимого объекта. Но быстро принял серьезный вид, нахмурился и повелел:

– Выметайся.

– Где мы? – простонал Шарль, выбираясь из зловонной «темницы». Над головой сияла бездонная небесная лазурь. Он зажмурился – так и ослепнуть недолго.

– Район Аз-Вари, – проворчал отрок. – Здесь до Триполи двенадцать километров. Спокойно тут, не волнуйся, войска в Аз-Вари не стоят, ничего военного, бомбят не часто.

– Если нет военного, значит, не бомбят, – назидательно сказал Шарль. – НАТО не работает по гражданским объектам.

– Ты, чё, с пальмы рухнул? – парень выразительно покрутил грязным пальцем у виска. – Уж мне ли не знать, чего тут бомбят, а чего нет. Детский сад на днях взорвали, хорошо, хоть ночью дело было...

«Пропаганда Кадафи», – успокоил себя Шарль, испытывав на мгновение какое-то странное чувство, напоминающее стыд.

– Это дом моего дяди Вахида, – пояснил пацан. – Топай за мной и ни о чем не спрашивай. И пистолет убери, ты что, стрелять собрался?

Шарль снова чувствовал себя неловко, вертел головой, засовывая пистолет в комбинезон. Автогонка завершилась в

районе, где отсутствовала многоэтажная застройка. Узкий двор, стены, вымазанные известкой, и ни одно окно, по мусульманской традиции, не выходит на улицу. Высокие заборы из белого камня, белые наличники, белое крыльцо, на котором сушились какие-то тряпки. Гул населенного пункта остался за воротами, долетали лишь невнятные звуки – смесь из трафика, говора, криков выючных животных. В глубине двора возвышался добротный белый дом с пристроенной деревянной мансардой. Ветвистые кусты магнолий, усеянные белоснежными цветами, окружали крыльцо. Туда и потащился, волоча ноги и независимо помахивая конечностями, Гамал. Летчик семеня следом, с любопытством озираясь. Виднелась только крыша у соседей – все остальное пряталось за забором и развесистыми апельсиновыми деревьями. И вдруг мелькнуло что-то над забором – Шарль насторожился. Верхняя часть никаба – женского головного убора, закрывающего лицо, с узкой прорезью для глаз. Моргающие любопытные глаза – жгучие, карие, огромные, напомнившие ему глаза барменши Софи – когда же он, черт возьми, избавится от этого наваждения?! Он моргнул, видение пропало – словно и не было подглядывающей соседки. Только ветка качнулась, коснувшись гребня стены. Гамал ничего не заметил, он уже взбирался на крыльцо, имитируя старческую одышку. Покосился на отстающего, изобразив нетерпение – мол, чему вас там в спортзалах учат...

В доме было чисто, прибрано, повсюду ковры, посуда.

В большой комнате стоял современный телевизор, полы устланы подушками, цветастыми пуфами. В помещении находился толстоватый ливиец с седой головой и в рубашке на выпуск. Видимо, дядя Вахид собственной персоной. Он сидел перед телевизором и что-то поедал из глубокой тарелки – вполне по-европейски применяя вилку и салфетку. Государственный канал «Аль-Джамахирия» представлял Зеленую площадь в Триполи (явные фотообои), государственный флаг – единственный одноцветный флаг в мире – и верного сына полковника Каддафи и ливийского народа Сейф аль-Ислама, дающего интервью корреспонденту агентства «Аль-Джазира». Беседа велась на английском языке, лысый, как яйцо, «сын» терпеливо и вполне доброжелательно внушал корреспонденту, что НАТО перешел на новый уровень агрессии и проводит преднамеренные удары по гражданским зданиям. «Это преступление против человечества», – хитровато поблескивая очками, уверял аль-Ислам. Толстяк повернул голову... и чуть не подавился, выплюнул часть еды обратно в тарелку. В глазах мелькнула растерянность, он справился с собой, сомкнул кустистые брови. Шарль постеснялся заходить в комнату, слушал, как вполголоса препираются дядя с племянником. Толстяк размахивал тарелкой, шипел, как гремучая змея. Гамал что-то доказывал. Шевельнулась занавеска, отделяющая мужскую половину от женской, очередная пара глаз смерила взглядом нежданного гостя. Сомкнулись занавески, зашуршали тапочки. Спор мужчин ста-

новился тише, теперь они общались нормальными голосами, потом Вахид выбрался из комнаты, окинул летчика неприязненным взглядом, почесал щетинистый подбородок и что-то сипло произнес.

– Пять тысяч евро, – перевел Гамал.

– Но у меня таких денег нет... – растерялся Шарль.

– Сколько есть?

– Три... с половиной.

Мужчины стали совещаться. Торг на Востоке – святое дело. В итоге Вахид состроил недовольную гримасу, потом вздохнул и удалился в «покои» криволапой поступью. Освещать ситуацию пришлось Гамалу.

– Отдашь три с половиной, пистолет и свою одежду. Получишь другую. Ночью – машина, спрячут, пять часов до границы с Тунисом. Есть лазейка – тебе покажут. Деньги отдашь перед границей. И все остальное... тоже отдашь. Что будет с тобой в Тунисе – не наше дело. Поднимешься наверх – там комната. Из нее – никуда. К окну не подходить. Еду принесу. Это все.

– Спасибо, парень, – поблагодарил Шарль.

– Да что мне от твоего спасибо... – смутился Гамал и повернулся спиной.

Деревянная лестница трещала и прогибалась. Этот дом, эти люди, эта страна и часть света делали все, чтобы доказать Шарлю Бурнье свою нелюбовь. Враждебность ощущалась в каждом слове, каждом жесте. Кабы не деньги, тут никто бы

пальцем не пошевелил, чтобы вытащить летчика из неприятности. Комнатка была крохотная, задернутое окно выходило во двор, имелась низкая тахта, столик, напомнивший собаку-таксу, – обедать за таким можно, но лучше найти другой. «Комната бедного родственника», – окрестил ее про себя пилот. Склонность игнорировать запреты досталась, видимо, Шарлю от русского пращура – прапрадеда по отцовской линии Ильи Бурнеева, офицера Врангелевской армии, бежавшего от большевиков в Турцию, осевшего под старость во Франции и сменившего фамилию на «подобную». Шарль на цыпочках приблизился к окну, сунул нос между плотными занавесками. Просматривался двор, ограниченный воротами и двумя стенами. Пространство слева и справа заслоняли фруктовые деревья, светлокожие смоковницы с большими листьями, отдаленно похожими на кленовые. Он вздрогнул, услышав скрип – насупленный Гамал приволок еду. Покосился на летчика – тот уже с невинным видом стоял у стены и разглядывал висящую на ней неработающую французскую фузею начала девятнадцатого века – отчищенную, с гравировкой, устрашающую и смешную. Лет восемь назад было модно копаться в своей родословной. Шарль с немалым изумлением узнал, что пращур упомянутого пращура служил капитаном в Кутузовской армии и участвовал в составе 2-й гренадерской дивизии в Бородинской битве. Второй же пращур – по линии матери – ровно в том же году посетил с визитом в составе Наполеоновской армии Россию и

тоже принимал участие в Бородинской битве. И тот и другой штурмовали Шевардинский редут, и теоретически один из них мог прикончить другого, не задумываясь о последствиях. Временами Шарль давал волю фантазии: вместо того чтобы биться лбами, сели бы, выпили хорошего французского вина, подумали бы о будущем... Та война, насколько он помнил, ничем хорошим для французов не кончилась. Французский пращур, проклиная русскую зиму, добежал до Березины и навсегда оставил воинскую службу. Пращур же с обратной стороны стал полковником, а мог бы и генералом, если бы не скверная история с «Северным обществом» декабристов, куда он по чудовищной ошибке вступил...

– Еду принес, – прокомментировал свои действия Гамал, ставя на стол глиняную посудину, прикрытую кружкой и увенчанную белым хлебом. Еще раз покосился на «работодателя» и сгинул.

Мясо отдавало овчарней, но вкус имело приятный. Есть пришлось стоя. В отличие от большинства военнослужащих НАТО (особенно американских), Шарль был непряхотлив. Поев, прилег на кушетку и принялся размышлять. Военным Каддафи его не сдадут, это глупо, поскольку идеальная возможность была на дороге при встрече с патрулем, но Гамал ею не воспользовался. Все остальное ему решительно не нравилось. Граница с Тунисом – бандитское местечко. Дадут по голове, обчистят и бросят. Могли бы и здесь, но он бдителен и при оружии (которое никому не отдаст). И придется

в одиночку выпутываться из неприятностей – но уже без денег. Впрочем, он считал, что справится. Прорваться в Тунис – а там гораздо проще. Страна цивилизованная, имеется связь и банки. Ему пришлют денег, он свяжется с начальством. Уж в Тунис коллеги не преминут за ним прилететь...

Если бы он знал, что «операция по спасению» закончится, не успев начаться! Все его планы, надежды – все рухнуло, как картонный домик Ниф-Нифа! За воротами встала машина – он слышал, как визжали тормоза. И через мгновение в ворота задубасили кулаками и прикладами! Он свалился с кушетки, обуянный ужасом, пронзительно осознав: по его душу слетелись демоны! Но продолжал надеяться, стоял у окна, таранился в щель между занавесками. Переваливаясь с ноги на ногу, семенил к воротам обеспокоенный Вахид, отомкнул тяжелую щеколду, вторглись двое в темно-зеленой форме, в беретах, с автоматами... а через мгновение во двор уже въезжал похожий на акулу военный джип в камуфляжных разводах. Ссаживались военные с суровыми, бескомпромиссными физиономиями. Вахид пытался что-то объяснить, яростно жестикулируя, – его толкнули в пыль, он упал, ударился головой. Люди в форме маршировали в дом. Охваченный паникой, Шарль заметался по комнатушке. На что рассчитывал? Распахнул окно – хотел уйти по крыше... и застыл с открытым ртом. Человек, оставшийся на подножке, посмотрел ему в глаза, поднял автомат, явственно сказал «Паф-ф» и засмеялся. Но он не хотел сдаваться!

Никогда не изменяло благоразумие, а тут вдруг изменило. Отпрыгнул от окна и бросился к двери. Рванул ее – вдруг замешкались на пороге? Но нет, эти демоны прекрасно знали, куда идти! Один уже топал по лестнице, другой едва ступил, третий подталкивал его в спину. Серьезные мужчины, слегка за тридцать, в форме правительственных войск того режима, что весь цивилизованный мир считает нелегитимным... Увидели его и закричали, ускорили шаг. Возможно, он правильно поступил, что не стал выхватывать пистолет – его бы изрешетили. Невзирая на приказ брать живьем всех летчиков. Бегущий первым уже стаскивал с плеча автомат, сделал лицо, как у Рембо. В тренировках по рукопашному бою Шарль никогда не был последним: провоцил что-то боевое и задиристое, схватился за перила, подпрыгнул и пяткой что есть мочи оттолкнул солдата! Похоже, ярость заменяла местным воякам умение. Атакующий не успел защититься, его унесло, как камень из пращи! Сбил коллег, под лестницей образовалась куча тел, мелькали конечности, луженые глотки изрыгали проклятья. Шарль бросился вперед, чтобы развить успех – не числом, так умением! – но в дом вбежал четвертый – офицер, схватился за кобуру, и Шарль понял, что не успеет. Бросился назад, скуля от отчаяния, ворвался в комнату, заметался, снова подбежал к окну. Улыбчивый вояка оставался на посту. Развернулся со сжатыми кулаками – хоть по челюсти приветствовать. Но дверь распахнулась от пинка, прогремела очередь – веером над головой, полетела

штукатурка, разлетелось стекло! И Шарль присел от неожиданности, заткнул звенящие уши. Удар ногой, он завалился на бок, как животное, потерявшее координацию. Его схватили под локти, поволокли вниз, ноги безвольно стучали по ступеням.

На улице он очнулся, обволок пространство мутным взором. Хозяин Вахид, держась за живот, ползал в пыли, а плечистый громила в звании сержанта охаживал его пинками. Кто-то закричал, два одиночных выстрела вспороли воздух. Юркая фигурка вынеслась из-за сарая, зигзагами помчалась по двору, увертываясь от пуль, рыбкой нырнула в распахнутые ворота. И прежде чем пропасть, стрельнули шальные глаза, как бы даже подмигнули. Он мысленно пожелал Гамалу удачи – хоть кто-то может выкрутиться из этой безобразной истории... И вновь шевельнулось что-то над соседским забором. Узкая прорезь в никабе, огромные коровьи глаза, исполненные любопытства... и какого-то мстительно-го ехидства. «Сдала, сучка!!!» – молнией сверкнуло в голове. Злость обуяла – все беды в мире от женщин! Он рванулся, перегруженный эмоциями, но конвоир отпустил звонкую затрещину, и сознание покатилося, как колесо, оторвавшееся от шасси...

Двадцать девять самолетов НАТО просто исчезли. Было тридцать, но один вернулся. Капитан третьего ранга Оноре Латиньи, пилот многоцелевого истребителя «Мираж III»,

на двадцатой минуте полета обнаружил неполадку в работе форсажной камеры двигателя и после согласования с центром управления полетами развернул машину и вернулся на Сигонеллу. Остальные самолеты как в воду канули. Свалить на сбой техники уже не выходило – техника исправно функционировала. Крайне неприятная, шокирующая, просто убивающая информация прошла все уровни командования коалиции, наведя шок и трепет. Генералы НАТО реагировали по-разному – кто-то не верил, кто-то погружался в ступор. Председатель объединенного комитета начальников штабов ВС США Майкл Маллен выпил на рабочем месте. Командующий операцией НАТО генерал-лейтенант Шарль Бушар рассмеялся в лицо растерянному дежурному офицеру. Адмирал ВВС США Сэм Локлир, командующий американским флотом в европейской зоне, судорожно перекрестился – он считал себя прилежным католиком латинского обряда. Но факт оставался фактом. Информацию мгновенно засекретили – от «своих», от журналистов, от мировой общественности – под страхом немедленного увольнения и уголовного преследования. Полеты тактической авиации временно прекратили. Сформировались рабочие группы по выяснению причин исчезновения самолетов. Активизировалась агентура на ливийской территории. Список вопросов увеличивался с каждым часом. Кто сбил одним махом кучу истребителей-бомбардировщиков: ливийские силы ПВО или кто-то другой применил принципиаль-

но новое мощное оружие? Что с летчиками, живы ли они? Успели ли катапультироваться? Спасти не удалось никого, хотя сигналы от радиомаяков засекали. Три спасательных вертолета «Сикорский», поднятые с палубы флагмана USS «Mount Whitney», несколько часов барражировали над южными окрестностями города Хомс, но спасти никого не смогли. Вертолеты подвергались обстрелу, несколько попыток высадить спасателей завершились провалом. Дважды приходилось спасать самих спасателей, попавших в засаду. В итоге – двое раненых морпехов, один «тяжелый». Власти Ливии тактично помалкивали. Фотоснимки из космоса показывали, что в районе города Хомс имеются многочисленные очаги пожаров – на маршруте полета самолетов НАТО. Информацию подтверждали спасатели, воочию видевшие затухающие костры и людей вокруг них.

В штабе командования коалиции, расположенном в Милане, был создан кризисный комитет, подчиняющийся непосредственно объединенному штабу. С паникой первых часов удалось справиться. Службы и подразделения комитета начали сбор и первичный анализ информации. На первом же заседании было отмечено, что речь идет о событии, важность которого в свете обеспечения миссии НАТО в Ливии переоценить невозможно. О событии скверном, иначе говоря. Оппонентов главной версии случившегося не нашлось: против «мирной» авиации коалиции было применено новое, сверхэффективное, мощное оружие. Кто его обладатель, ка-

ков принцип действия – неизвестно. Нужно искать, и желательно в сжатые сроки. Вопрос о судьбе летчиков – к правительству Муаммара Каддафи, которое пока помалкивает, как, впрочем, и сам ливийский лидер. С некоторыми сомнениями было решено повторить удары, но теперь крылатыми ракетами – с бортов эсминцев и подводных лодок. И самое главное – ввести режим информационной блокады – с широкими полномочиями тех, кто призван его поддерживать.

Удар крылатыми «Томагавками» был циничен и жесток. Территория складов с боеприпасами и запчастями для систем ПВО на окраине Махинеи подверглась массированному обстрелу на рассвете 23 июля – люди еще спали, а первые солнечные лучики только робко прощупывали крыши. Али подпрыгнул от первого разрыва – громыхнуло в отдалении. Вскочил с кровати, не понимая, что происходит. Заметался по крохотной комнатке «гостевого домика», натываясь на предметы скудной обстановки. Еще вчера все было хорошо: оправился от моральной встряски, постиг, что все у него получилось! Он сделал то, о чем мечтал всю жизнь! Установку доставили на базу в режиме строгой секретности, поместили в дальний сарай (на первый взгляд, без охраны), Магомедову с помощником выделили опрятный домик «до дальнейшего распоряжения». Выпили на радостях с Ильхамом – по чуть-чуть, испросив предварительно разрешения у Аллаха. Взволнованный «чекист» Урхан приволок трубку спут-

никового телефона, сунул, сделав при этом многозначительную мину. Звонил начальник ливийской разведки – лично господин Абдулла аль-Сануси, поздравил, растекся по дереву, уверил, что обещанное вознаграждение уже переведено на банковские счета в Женеве, Баку и Москве (что, собственно, несложно проверить). Господину Магомедову создадут все условия, ливийская сторона горячо надеется на дальнейшее сотрудничество, уже буквально завтра установку и ее испытателей перевезут в Триполи, а господину Магомедову сделают предложение, от которого он не сможет отказаться. Он же не откажется от хорошей виллы в охраняемой и совершенно безопасной зоне – на время «плотной занятости» в Триполи? А пока работают «технические причины», нетрудно ли ему, скажем, сутки посидеть в Махинеи, где так же безопасно?

И это безопасно?! Рвануло метрах в тридцати от домика, полетели ошметки глинистой почвы, зазвенели осыпающиеся стекла. Ударная волна проникла в дом, отбросила Али к стене.

– Али Гусейнович, крылатыми ракетами шмаляют, суки!!! – завопил с перепугу по-русски Ильхам, вваливаясь из соседней комнаты – неприбранный, заспанный, оторопевший. Али давно подметил – в критической ситуации человек, знакомый с русским, пусть для него это и не родной язык, изъясняется исключительно на нем – великом и могучем! Рвануло еще ближе – упала в комнату оконная рама.

Ильхам не устоял – повалился на Али. Отчаянно ворочаясь, отталкивая друг дружку, подползли к разбитому проему. «Томагавки» клали плотно и квалифицированно. Домик, где их поселили, стоял на отшибе, и все отлично просматривалось. Базу, материальные склады и казармы охранной роты заволокло густым дымом. В дыму мелькали фигурки – военные разбежались, стараясь уйти из зоны поражения. Царил кремешный ад. Кто-то падал, кто-то вставал, другие оставались лежать. Из клубов дыма вылупился офицер в расстегнутом кителе поверх исподнего. Он что-то страшно орал, вращал безумными глазами. Потом сообразил, что собрать никого не удастся, да вроде и не надо, помчался кенгуриными скачками куда-то в сторону. Метался работник службы безопасности Урхан в одном ботинке. Кинулся к «гостевому» домику – к людям, за которых нес ответственность, но пробежал от силы метров двадцать – взрыв прогремел за спиной, он заорал во все голосовые связки, рухнул с перекошенным лицом, обливаясь кровью... Ракеты ложились точнее – одна пробила крышу склада, взорвалась внутри, повалив часть стен... и началось светопреставление! Оглушительные взрывы гремели с интервалом в секунду, разлетались доски, бетонные перекрытия, какие-то поддоны, фрагменты тел. Слава Аллаху, основная масса обслуживающего персонала успела разбежаться.

– Али Гусейнович! – спохватился Ильхам. – Они же в установку попадут!

Как-то странно, в этом аду он еще ухитрился думать о работе. Парнишка метнулся к двери – как будто его присутствие рядом с установкой могло что-то изменить.

– Куда, стоять! – заорал Али и помчался за мальчонкой. Оба поочередно скатились с крыльца. Ильхам рванул в пространство между строениями, еще не охваченными огнем, бежал, петляя, будто заяц. Взрыв прогремел у него за спиной, паренек свалился плашмя, а Али взрывной волной придавило к крыльцу. Он подпрыгнул, вытрясая звон из ушей, заковылял на ватных ногах. Но помощь пареньку не требовалась – он стартовал с упора лежа, помчался дальше. И... вбежал на полной скорости в новый взрыв, который расцвел, словно цветок, у него на дороге!

– Ильхам!.. – завыл Али и, не пригибаясь, заковылял к пареньку. На месте взрыва красовалась метровая воронка. Повсюду кровь, оторванная рука... Истерзанное тело молодого помощника наполовину засыпало землей. В мертвых глазах теснилась решимость добежать, спасти, если нужно, грудью прикрыть... Ноги подкосились, Али свалился на колени перед изувеченным телом – уже и не помнил, то ли молился, то ли ругался самым мирским образом, тряс его, надеясь оживить, давился слезами...

Когда рассыпалось в щепки соседнее строение – слава Всевышнему, забитое не боеприпасами, а составными блоками от зенитных орудий, – он очнулся. Полз на корточках, потом поднялся, побежал, пригнувшись, закрывая голову рука-

ми, – к южным воротам базы. Осколки щадили его, свистели стороной, несколько раз он спотыкался, но вставал, шатаясь, двигался дальше. В стенах периметра зияли дыры, искореженные ворота валялись поодаль от проема, заваливаясь, падала, словно марсианин у Герберта Уэллса, вышка с орущим часовым. Приземистые сараюшки в стороне от ворот, стыдливо прикрытые чахлыми деревцами, вроде были целые. Туда он и подался. Но грохнуло где-то справа, Али засыпало землей, что-то мощное, на скорости, ударило в бок – он закричал от боли, смешалось все в голове, он повалился и уже не мог ухватить за хвост убегающее сознание...

Когда он очнулся, вокруг царила тишина – звенящая, страшная. Привстав, он опасливо потрогал бок, полагая нащупать огромную кровоточащую рану. Но нащупал болезненный синяк, а рядом лежал угловатый камень. Ноги не держали, он доволоксся до сарая на четырех конечностях, ввалился в него, сел на грязный пол и заплакал. Установка – целая и невредимая, наполовину укрытая чехлом – стояла в углу помещения и призывно поблескивала хромированным излучателем...

Он сидел на крыльце, сжимая голову руками, когда вокруг него начали собираться люди. Служащие базы возвращались на рабочие места, от которых остались руины. С кого-то капала кровь, кто-то прихрамывал, истерично что-то выкрикивал. Из обрывков разговоров явствовало, что боеприпасов на базе было немного, иначе все бы разлетелось к чертовой

матери – хранились в основном агрегаты и узлы для зенитных САУ «Шилка», установок залпового огня.

– С вами все в порядке, господин Али? – бросился к нему человек со смутно знакомым лицом – один из подчиненных Урхана. Не дождавшись ответа, вбежал в сарай, выскочил оттуда с радостными криками: – Она целая! – и тут же что-то залопотал, обращаясь к толкущимся людям, потом тряхнул Али за плечо. – Нужно срочно уезжать, господин Али! Скоро подойдет грузовик, будет погрузка. Вы едете с нами – это приказ. Не позднее чем через два часа пушка и вы должны быть в безопасном месте... Очнитесь, господин Али!

Он плохо понимал, чего хочет от него этот контуженый, обзаведшийся нервным тиком и рубцом под глазом ливиец. Не хотелось никуда ехать. Даже шевелиться не хотелось...

Школа на окраине города Хомса переживала не лучшие времена. Не так давно по дороге, огибающей город с юга, проходила танковая колонна – отдельный механизированный батальон правительственных войск спешил на помощь ливийским войскам, погрязшим в позиционных боях у мятежной Мисураты. Колонна пылила мимо школы. И надо же такому случиться, что именно в этот момент из-под единственного на небе облака вынырнула пара американских «В-2» и подвергла колонну тщательной обработке. По счастью, когда бомбардировщики зашли на второй круг, колонна успела рассредоточиться, поэтому потери были терпимые.

Ливийские военные недосчитались четырех танков «Т-62» советского производства, пары «БМП-1», боевой разведывательной машины, самоходной пушки-гаубицы «Дана» и полутора десятка человек. Потрепанная колонна отправилась дальше, подбитая техника неделю красовалась на дороге, пока ее не оттащили с глаз долой, чтобы не умалять патриотические настроения. У кого-то из пилотов то ли глаз подвел, то ли приборы, но одна из бомб ахнула в школу и сделала в здании добротную выемку. По счастью, в мусульманских школах летом тоже не учатся. Восточное крыло не пострадало, в местный спортзал и свозили отловленных в пустыне летчиков НАТО. Место для «хранения» было выбрано удачно и с юмором – никому бы и в голову не пришло, что в полуразрушенном здании могут содержаться пленники. К тому же школу со всех сторон окружали деревья, что в плане «подсматривания» из космоса тоже было неплохой находкой.

Машины вставали под деревьями, из них выгружали пленных и «зеленым коридором» препровождали в спортзал. Гулять не выпускали. Куртуазным манерам ливийских вояк не обучали – Шарля бесцеремонно вытолкнули из машины и погнали прикладами в приземистое кирпичное строение с заколоченными фанерой окнами. Втолкнули в сумрачное помещение. Было душно, пахло потом, немытой одеждой. Горели маломощные лампочки, озаряя помещение мглистым желтоватым светом. Захлопнулась дверь, оснащенная

отверстием, и с обратной стороны к нему мгновенно припало всевидящее око. Пленные летчики постоянно находились под наблюдением. У Шарля до сих пор болела голова, приходилось прикладывать усилия, чтобы сохранять невозмутимый вид и переваривать информацию. В помещении томились больше двух десятков человек – в форме летного состава НАТО. Кто-то лежал на грязной циновке, кто-то спал, другие ворочались, кто-то неприкаянно блуждал между заколоченными окнами. Кто-то бубнил – то ли молился, то ли ругался. Прикинув на глаз численность собравшихся, Шарль ужаснулся. Сбили всех! Или практически всех. ЧТО ЭТО БЫЛО?

– Мне кажется или это Шарль Бурнье? – пробормотал человек, лежащий на циновке. Приподнялся, протер глаза, украшенные первосортными синяками, и превратился в старшего лейтенанта Пьера Бриона.

– Тебе тоже негде жить? – пошутил, шепелявя, взъерошенный Доминик Лазар и улыбнулся во все четыре зуба – то ли тормозил челюстью, то ли вел себя при задержании не так, как хотелось бы солдатам.

– Живой, слава Христу, – проворчал немногословный Марсель Жюстье – на первый взгляд невредимый, но как-то подозрительно хватающийся за бок. – А мы уж думали, ты тоже погиб, молиться начали за спасение твоей непутевой души...

Сердце сжалось, без потерь, похоже, не обошлось. Он об-

ходил подавленных товарищей, кого-то обнимал, кому-то жал руку, похлопывал по плечу. Обычно говорливый, балагур и егоза Поль Гурден даже не смотрел ему в глаза, сдержанно кивнул и уставился в пространство. В будущее, видать, смотрел. С оптимизмом. Улыбнулся швед Свенсон, спросил, как дела, рыжеватый американец Паккарди.

– Потихоньку, – вздохнул Шарль. – А вы тут чем занимаетесь?

– Тайны мироздания познаем, – глубокомысленно отозвался Хью Картер. – Не поверишь, Бурнье, в мире столько интересного. Вот скажи, ты знал, что мы можем оказаться в таком положении?

– Мы-то еще ладно, – вздохнул капитан Гийом Ришар. – Вроде убивать не намерены, кормят, не бьют, по нужде выводят. А вот Честеру и Ларсу Гриру... им-то как не подфартило...

Из рассказа капитана выяснилось, что Ахмаду Рашди, понимающему по-арабски, – капитану бельгийских ВВС, который в данный момент видел сладкие сны, – удалось подслушать разговор ливийских офицеров. Двух летчиков не смогли взять живыми. Один при приближении солдат выхватил пистолет, стал отстреливаться, его уложили выстрелом в ногу, поскольку был приказ брать ТОЛЬКО живыми, но попали неудачно, открылось сильное кровотечение, и пока довели до госпиталя, пленник скончался от потери крови. Второй отправился в бега, удачно съездив по вывеске конвоиру (в

шоке был, не понимал, что бежать некуда), остутился и треснулся виском о камень, да повезет ему на небе... Гадали, кто это может быть – либо Честер, либо Грир, либо Бурнье, но поскольку последний, как выяснилось, жив и относительно здоров, то тут уж, как говорится, без вариантов...

– Ты – двадцать седьмой, Бурнье, – пояснил Ришар. – Дольше всех бегал, молодец. Расскажешь, как тебе удалось.

– Нас вроде тридцать было, – растерялся Шарль. Не сходилось что-то в математике.

– Латиньи вернулся, – замогильным голосом вымолвил Гурден, не отрываясь от «пространства». – До Мальты дотянул... и вернулся. Неисправность в двигателе. Я слышал, как он с базой переговаривался...

– Счастливчик, – гулким эхом отозвался Брион. – Сейчас, поди, опять в борделе у «Турино Мамы» сидит, винчик попивает, шлюшек за задницы дергает...

– Ну, да, Латиньи такой, – согласился Лазар. – Чуть передышка – скачками к шлюхам, напряжение свое неумное снимать. Ты не смущайся, Бурнье, будь как дома, циновок на всех хватает, пристраивайся ко мне – вон свободная, а то торчишь тут, как маяк. Скоро еду принесут, кстати, кормят здесь прилично, видимо, имеют на нас некие планы...

– Рассказывай, как бегал, – проворчал Ришар. – А то от собственных историй уже тошнит, по третьему кругу друг перед дружкой отчитываемся – сплошной позор, никакой романтики.

Шарль немногословно поведал о своих злоключениях. Аудитории история понравилась. Стали обсуждать, Лазар переполз поближе и поощрительно похлопал по плечу.

– Не ожидал, Бурнье. В лучших традициях американского боевика. Будет что дома рассказать. Непонятно только, на что ты рассчитывал. Выбраться из этой клоаки нереально. В Бенгази надо было когти рвать, в Бенгази...

Летчики по одному вступали в беседу. Тема, где безопаснее – в Тунисе или в Бенгази, – почему-то многих взволновала. Горячился Паккарди – американец итальянского происхождения. Его возмущало грубое нарушение прав в так называемой Триполитании. Какое эти обезьяны имели право сбивать его самолет, хватать, как какого-то бродягу, бросать в тюрьму – в антисанитарию, в нечеловеческие условия! Где обязательный гуманизм и приверженность элементарным правовым нормам? Как, вообще, можно воевать в таких условиях, когда противник тебя конкретно не уважает? Его везли через деревню, так горячие ливийские бабы чуть камнями не закидали. Дикость, господа! Неужели здесь никто не знает о резолюции Совета Безопасности ООН под номером 1973, о которой разрезвонили по всему миру? Адекватные французы, слыша эти перлы, прятали ухмылки, а американец энергично разорялся. Потом беседа вернулась в наболевшую плоскость: что за чертовщина случилась в небе над Ливией? Почему отказали двигатели всех самолетов – причем одновременно? А если бы это случилось над морем? Работа

ливийцев? Инопланетян? Третьей силы, заключившей договор с самим Дьяволом – в смысле, с полковником Каддафи, врагом номер один всего миролюбивого человечества?

– Ясно одно, – рассудительно изрек Марсель Жюстье. – Если это оружие, то принципиально новое и никогда доселе не использовавшееся. Какая паника теперь начнется – трудно представить. Держу пари, пока не выяснится, в чем дело, наши побоятся соваться в Ливию со своими самолетами. Будем «Томагавками» швыряться.

– Правильно, – проворчал кто-то аполитичный. – А то уже самолетам тесно в «бесполетной зоне»...

– Тоже неплохо, – ухмыльнулся Брион. – А вот это оружие... интересно... может, оно и «Томагавки» способно останавливать или обратно разворачивать...

Летчики молчали, впечатленные мысленной картиной. Тонут атомные подводные лодки, тонет флагман ВМС США «Маунт Уитни», авианосец «Джузеппе Гарибальди», взрывается к чертям собачьим авиабаза в Сигонелле – со всей навороченной техникой, жилыми кварталами и борделем, в котором завис счастливчик Латиньи...

Распахнулась дверь, вошли два дюжих охранника в форме, встали по бокам и взяли автоматы на изготовку. Вошел еще один – невысокий, плотный, с офицерскими знаками различия, с папкой в руке и пилоткой, всунутой под погон. Откормленный, лысоватый, он был спокоен, как монумент. Пока он рассматривал насторожившихся пленников,

ни один мускул не дрогнул в лице. Впрочем, торжествующий огонек в глазах блеснул.

– Строиться, – на приличном английском скомандовал офицер.

Он медленно расхаживал вдоль шеренги понурых, оборванных пилотов, всматривался людям в глаза, делал мысленные «зарубки». Покосился на «разукрашенного» Бриона, на исцарапанное лицо и руки Ришара – такое ощущение, словно летчик долго и безуспешно купал кота. Пересчитал пленников по головам и остался доволен.

– Добрый вечер, господа европейские туристы, – вкрадчиво и как-то нейтрально поздоровался офицер. – Ну, вот вы и в сборе. Спешу поздравить – вы находитесь в расположении одной из частей ливийской армии, где вас безумно рады видеть. Мое имя – Аль-Фергани, можете обращаться ко мне «господин капитан». Надеюсь, наши отношения будут ровными, спокойными и станут примером для подражания вашим... последователям. Сразу предупрежу, что попыток к бегству предпринимать не стоит, далеко вы не уйдете, и последствия могут быть трагическими. Грубить и бросаться в драку тоже не советую – зачем? Геройство в данном случае неуместно и просто смешно. Если вы хотите вернуться домой живыми, а не, скажем, в черном полиэтиленовом мешке, то и вести себя следует соответственно. К вам относятся, как вы могли заметить, гуманно, кормят сытно, а небольшие, хм, физические увечья вызваны – сами понимаете – непо-

виновением при задержании. Скоро придет врач, и те, кому это требуется, получат медицинскую помощь. Комбине-зоны сдадите – взамен вам выдадут другую одежду. Хранить деньги запрещено, пытаться подкупить охрану – тем более. С просьбами позвонить – не обращаться. Сейчас вас всех зарегистрируют, переписут ваши данные, изымут докумен-ты – у кого еще не изъяли. Просьба отнестись к нашим дей-ствиям с пониманием. Не забывайте, – офицер не удержался от презрительной гримасы, – что для нас вы агрессоры, уни-чтожающие нашу процветающую страну, взрывающие наши дома и убивающие наших женщин и детей... – От внима-ния Шарля не укрылось, как офицер непроизвольно сжал ку-лаки, но, впрочем, опомнился. – Мы понимаем друг друга, господа? Я рад. Будем надеяться, что после пребывания в нашем... хм, санатории у вас останутся о нем только самые приятные впечатления.

Команды «вольно» и «разойдись» не последовало. Через несколько минут солдаты втащили в помещение ворохи ком-бинезонов подозрительной свежести, швырнули перед строем. Пролаяла команда – переодеваться. Свою одежду рас-кладывать аккуратно, не комком – все в ряд. Несколько че-ловек переоблачались, остальные ждали под дулами автоматов. Тоска навалилась – не продохнуть. Шарль вспомнил, что примерно в это предвечернее время, если позволяла служ-ба, он звонил Жаклин в Тулузу. Снисходительно выслуши-вал ее щебет – о домашних делах, о семейном бизнесе, с

которым она проворно справлялась, слушал лепет крошки Марселя – и тепло становилось на душе, почти беззаботно... Привычка носить одежду с избытком карманов сослужила добрую службу. Его обыскивали, прежде чем бросить в машину – но лишь на наличие стреляющих, колющих и режущих предметов. Три с половиной тысячи евро (в основном в крупных купюрах) не нашли. Воспользовавшись заминкой, когда охранники с криками бросились к Ришару, собравшемуся спрятать в носок безвредный перочинный ножик, он сунул руку в задний карман комбинезонных штанов, ногтем разодрал шов и незаметно для окружающих переправил сложенные пополам банкноты под трусы. Пришлось отставить заднее место, чтобы не вывалилось. И когда поступила команда очередной пятерке сбрасывать одежду и облачаться в комбинезоны (в которых что-то красили), он не стал упрямиться. Все стащил, влез в штаны и облегченно перевел дыхание. Фокус из арсенала карманного воришки удался ему одному. Раздеваться догола команды не было.

Звонил телефон на прикроватной тумбочке – истошно, с надрывом, словно умолял: ну, заткните же меня поскорее! Именно в это утро проснуться для Жаклин Бурнье оказалось тяжким испытанием. Она мучительно выбиралась из «режима сна», не могла сориентироваться, где она находится и какого черта происходит?! Просыпалось предместье Сен-Сипрьен – пригород родины ордена доминиканцев,

«розового града» Тулузы (нареченного так по цвету кирпича, из которого был выстроен старый город). Лучик солнца выглянул из-за тропической азалии, озарил лужайку перед домом, пышные шапки пионов, новомодное поливальное устройство, заглянул в комнату через огромное, идеально чистое зеркало. А когда полоснул по глазам, осталось только проснуться. Телефон звенел, не унимаясь. Пот прошиб – это Шарль, он же вчера не позвонил! Собиралась с вечера понервничать, но передумала, решила дождаться следующего дня. Все-таки служба у человека, всякое случается... Она отбросила одеяло, путаясь в ночной сорочке – не могла же она ее надеть верхом вниз! Схватила трубку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.